...ров 49"66
323/5

М. БАКАЙ.

О разоблачителяхъ и разоблачительствѣ.

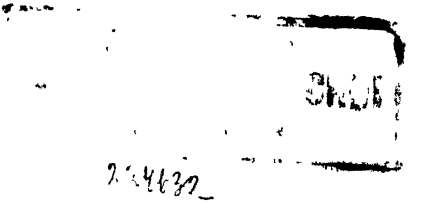
(ПИСЬМО КЪ В. БУРЦЕВУ)

Со вступительной замѣткой Л. Меньщикова.

Цѣна 15 сентовъ.

Нью-Іоркъ
1912.

„Пров 49“



ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

(Изъ письма къ М. Е. Бакаю).

"Больно растравлять свои раны", пишете Вы. Я Васъ понимаю. Вы пережили одну изъ тѣхъ сложныхъ драмъ, которыя рѣдко кому выпадаютъ на долю.

Вы увидѣли окружавшую Васъ "мерзость запустѣнія" и съ ужасомъ отвернулись отъ нея; съ яркимъ свѣтильникомъ, что зажегся въ сердцѣ Вашемъ, любви къ свободѣ понесли Вы свои силы на алтарь новой святыни. Но въ предверіи Васъ встрѣтили неистовыми окриками. "прокаженный, гой, куда ты? Имѣешь ли ты право на входъ въ святилище, гдѣ твои дары?"

Что Вы могли сказать имъ?

Я бросилъ все, что каждому человѣку дорого: родину, семью, благополучіе. Я сдѣлалъ это затѣмъ, чтобы послужить дѣлу борьбы за интересы народа. Я шелъ тернистой дорогой, когда позади меня кричали: "измѣнникъ", а спереди неслись возгласы: "предатель"; когда справа облпвали меня потокомъ лжи и клеветы, а слѣва мучили инсинуаціями и заподазриваніями. Я готовъ былъ жертвовать своей жизнью, а мнѣ твердили: "у тебя за пазухой камень". Я довѣрчиво отнесся къ встрѣчнымъ объятіямъ, а они открылись лишь затѣмъ, чтобы задушить мою индивидуальность. Я шелъ въ храмъ, а по-

палъ на торжище... Я страдалъ и мучаюсь такъ, какъ не страдаютъ и не мучаются въ тюрьмѣ и ссылкѣ..

Поняли ли бы Васъ?..

Вы мнѣ пишете: "мнѣ не хотѣлось бы, чтобы публика думала, что я дѣйствую со злымъ умысломъ... Я преслѣдую лишь полезныя цѣли"...

Я знаю, почему Вы находите нужнымъ упомянуть о чистотѣ своихъ намѣреній. "Публика"... О, Вамъ уже знакомо, что такое "публика"; Вы предвидите, что скажутъ "они".

"Они" — тѣ, которые сотворили себѣ кумира "по образу и подобію своему" и боятся увидѣть, что поклоняются деревянному идолу; тѣ, которые не прощаютъ чужихъ ошибокъ и не признаютъ своихъ; тѣ, которые полагаютъ, что истина можетъ быть хуже лганья и что потемки лучше дня божьяго; тѣ, которые не хотятъ видѣть въ каждомъ человѣкѣ "душу живу", личность и не терпятъ всѣхъ, кто ходитъ не по линейкѣ, мыслитъ не по указкѣ и, вообще, дерзаетъ "свое сужденіе имѣть"...

Да, э т а "публика" вознегодуетъ, завопитъ, будетъ злословить. Не ей понять, что для того, чтобы сказать громко правду революціонерамъ о революціонерахъ, надо имѣть большее мужество, чѣмъ для того, чтобы пойти и ухлопать какого-нибудь глупаго жандарма.

Я знаю, скажутъ: "какая дерзость! Бывшій охранникъ поучаетъ стараго революціонера, обличаетъ самого́ прославленнаго разоблачителя"...

Какъ будто заявлять открыто и прямо то, что думаешь и чувствуешь, составляетъ право лишь нѣкоторыхъ

привиллегированныхъ особъ! Какъ будто правда перестаетъ быть правдой, если ее говоритъ простой смертный, а не "патентованный" революціонеръ, или "присяжный" писатель.

Будутъ жаловаться: "выноситъ соръ изъ избы"...

А если въ этой избѣ накопилось столько мусора, что свѣтъ не проникаетъ въ окна, черви ползаютъ, дышать нечѣмъ, жить становится не вмоготу? Что же, надо совсѣмъ покинуть эту избу, или слѣдуетъ помочь управиться съ метлой, помочь выгрести зловонные, гніющіе отбросы?

Закричатъ: "онъ дискредитируетъ революцію..."

Гордая! Ты ли это нарядилась въ подъяческіе слезницы на имя царскихъ палачей и холоповъ? Когда то мощная! Тебѣ ли преподносятъ гной твоихъ ранъ, какъ живительный бальзамъ отъ всѣхъ недуговъ? Твои ли это герои живутъ отъ язвы твоей — провокаціи, эксплуатируютъ ее, опираются на ея продажныхъ слугъ, хотятъ, чтобы въ счетахъ съ ней видѣли центръ всей борьбы — великой освободительной борьбы великаго русскаго народа! Святая! Твое ли это оружіе — доносы и подкупы, угрозы и помилованія, шпики и филеры, Леруа и Вейсманы? Твои ли это вѣрныя слуги сидятъ сложа руки, позѣвываютъ и, любуясь на клоунскій бумажный поединокъ, ждутъ, что вотъ-вотъ самодержавіе рухнетъ и изъ престидижаторскаго колпака появится настоящая, заправская конституція?..

Духъ времени — деморализація, распадъ, погоня за сенсаціями раздулъ большой-большой мыльный пузырь; упали на него вырвавшіеся изъ-за ставенъ лучи яркаго солнышка и заигралъ онъ всѣми цвѣтами

радуги; многоголовое, наивное дитё, называемое публикой, смотритъ на пузырь, любуется, эдакая дивность, думаетъ; не знаетъ это дитё, что дѣло не въ пузырѣ, а въ солнышкѣ, что послѣднее куда интереснѣе; не замѣчаетъ "публика", какъ на блестящей поверхности пузыря зло-уродливо отражаются физіономіи самихъ наивныхъ зрителей; забыла она, что дунетъ первый вздохъ приближающейся бури, лопнетъ мыльный пузырь и ѣдкая щелочь совѣсти брызнетъ въ глаза тѣхъ, кто ужъ очень таращилъ глаза...

Но не виновато солнышко, если лучи его свѣтятся и въ мутныхъ лужахъ. Минетъ непогодь и на мѣстѣ прежней слякоти поднимутся пышные, зеленые всходы. Имѣйте терпѣніе! Не судите слишкомъ строго людей за то, что слово у нихъ часто расходится съ дѣломъ — это всегда было и будетъ. Вѣрьте въ идеалъ и расцѣнивайте людей не потому, достигаютъ ли они его вполнѣ, или нѣтъ, — идеалъ всегда недостижимъ, а потому, насколько они къ нему приближаются. Дѣло борьбы за свободу никогда не заглохнетъ, какія бы ошибки не дѣлали сами борцы. Придетъ время, помянутъ добромъ и Васъ. Пузыри лопнутъ, газетные листы найдутъ свое конечное употребленіе, сплетники устанутъ, а правда, какъ бы ее не прятали, выбьется на волю, и скажетъ, какъ бы ей не зажимали ротъ, свое твердое слово, и сдѣлаетъ, въ концѣ концовъ, то доброе дѣло, ради котораго и Вы возвысили свой голосъ.

Л. Меньщиковъ.

6|19-II-1912 г. Нью-Іоркъ.

ПИСЬМО БАКАЯ КЪ БУРЦЕВУ.

"Владиміръ Львовичъ!

Услыхавъ лично отъ Васъ, что М. А. Натансонъ заявилъ Вамъ, что я нахожусь въ сношеніяхъ съ полиціей для агитаціи противъ Васъ, я сейчасъ же написалъ ему и въ Делегацію Центральнаго Комитета Партіи соціалистовъ-революціонеровъ слѣдующія письмо и заявленіе.

Милостивый Государь, Маркъ Андреевичъ!

Нѣсколько дней т. н. мнѣ пришлось услышать отъ нѣкоторыхъ лицъ, что Вл. Л. Бурцевъ, у котораго я не былъ послѣдніе десять дней, говоритъ, что противъ него Меньщиковъ, Бакай и др. готовятъ заговоръ или, картиннѣе выражаясь, complot.

Слухи эти были для меня совершенно неожиданны, и, чтобы выяснить ихъ, 20 октября я отправился къ В. Л. за разъясненіями. Прежде всего я задалъ ему вопросъ: "дѣйствительно ли Вы говорите, что я, Меньщиковъ и др, готовятъ complot ?"

На то послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ съ прибавленіемъ, что объ этомъ "говорятъ всѣ".

Когда я спросилъ, на чемъ это основано, то Вл. Л. сослался на статью въ Journal'ѣ, на статью въ вечернемъ выпускѣ "Биржевыхъ Вѣдомостей", а также на то, что ему ничего не извѣстно, что мы дѣлаемъ и т. д.

Мнѣ ничего не оставалось, какъ опровергнуть эти не-

лѣпые слухи и еще разъ категорически подтвердить, что первая статья въ Journal'ѣ принадлежитъ перу Зильбера, друга и сотрудника Бурцева, и что она для меня была неожиданной, ибо я къ ней никакого отношенія не имѣлъ и отношусь къ подобнымъ выпадамъ отрицательно.

Вторая же статья въ томъ же журналѣ, гдѣ я разсказалъ, какъ былъ раскрытъ Гартингъ, принадлежитъ мнѣ. Въ ней ничего неправдоподобнаго не имѣется, никакихъ выпадовъ противъ Вл. Л. нѣтъ и всю отвѣтственность за ея появленіе и содержаніе принимаю на себя. На напечатаніе этой статьи я получилъ разрѣшеніе отъ Меньщикова еще въ іюлѣ прошлаго года и тогда же читалъ ее Вл. Л., въ присутствіи Меньщикова, въ одномъ изъ кафе на Montmartre.

Что же касается появленія статьи въ "вечерней биржевкѣ" съ подлинными словами Меньщикова о Вл. Л. Бурцевѣ, то она безусловно не предназначалась къ печати, попала она по моей оплошности и по винѣ одного эмигранта, пославшаго мои собственноручные наброски въ редакцію. Словомъ, въ появленіи этой статьи я столько виноватъ, сколько Лопухинъ въ напечатаніи его письма къ Столыпину въ "Times".

Я очень сожалѣю о случившемся фактѣ, готовъ всюду заявить, что это произошло совершенно случайно и о зломъ умыслѣ ни съ той, ни съ другой стороны не можетъ быть и рѣчи.

Ко всему этому я прибавилъ, что ни я, ни Меньщиковъ никакихъ complot не подготовляемъ; къ дѣятельности послѣдняго я никакого отношенія не имѣю, не считая чисто техническихъ услугъ.

Изъ наличности фактовъ нельзя усмотрѣть никакихъ агрессивныхъ дѣйствій, но если исправленіе фактическихъ неточностей, появившихся въ различныхъ интервью, считать complot, то это заблужденіе настолько абсурдное, что на него не слѣдуетъ обращать вниманія.

Вл. Льв. до онѣкоторой степени согласился, что complot'а нѣтъ, но сказалъ, что ему многіе говорятъ объ этомъ и видятъ въ этомъ махинацію Департамента Полиціи, который при посредствѣ меня и, быть можетъ, Меньщикова, хочетъ скомпрометировать его — Вл. Льв.

— Но кто, кто объ этомъ говоритъ, укажите мнѣ это лицо?

— Да вотъ, хотя бы Натансонъ. Онъ прямо говоритъ: "Вотъ видите, мы всегда Вамъ говорили, что Бакай подосланъ Департаментомъ Полиціи, и вотъ онъ теперь готовитъ противъ Васъ походъ" и т. д. (стараюсь передать подлинныя слова).

Для меня это было тяжелой неожиданностью.

Эта тяжесть усугубляется еще тѣмъ, что это говорите Вы,—Вы, кто пользуется такимъ авторитетомъ. Вы имѣли право говорить въ такомъ духѣ передъ раскрытіемъ Азефа, то было такъ естественно; Вы имѣете право относиться ко мнѣ всесторонне отрицательно; Вы имѣете право писать обо мнѣ все, что находите нужнымъ.

Но Вы имѣете право все это дѣлать только на основаніи фактовъ и до нѣкоторой степени логическихъ выводовъ.

Ни моя жизнь заграницей, ни мое поведеніе, не даютъ никакого повода заподазривать меня состоящимъ въ сношеніяхъ съ Департаментомъ Полиціи и бросать въ меня это обвиненіе.

Какъ Вамъ извѣстно, я никакого участія въ революціонныхъ дѣлахъ не принимаю, никакихъ отношеній къ революціонерамъ не имѣю, и вотъ уже второй годъ, уединившись въ Бельгію, я исключительно занятъ инженерными науками и только науками. Если у Васъ есть какія нибудь данныя заподазривать меня въ сношеніяхъ съ Деп. Полиціи, я прошу Васъ опубликовать ихъ, довести до всеобщаго свѣдѣнія, сдѣлать это открыто, и я открыто опровергну ихъ. Если же у Васъ нѣтъ ничего противъ меня, то прошу не причинять мнѣ ненужныхъ страданій, мнѣ и безъ ихъ тяжело. Это моя единственная къ Вамъ просьба.

Съ почтеніемъ **Мих. Бакай**".

2-X-910.

ПИСЬМО БУРЦЕВА КЪ БАКАЮ.

"Михаилъ Ефимовичъ!

Былъ вчера у М. Ан. и онъ мнѣ показалъ Ваше письмо. Оно меня б о л ѣ е чѣмъ изумило.

Оно писано 2-го окт., а Вы у меня были 4-го и... не заикнулись, что писали обо мнѣ, ссылаясь на меня и т. д. Къ чему эта борьба со мной за моей спиной?

Почему хотя-бы 4-го Вы не сказали мнѣ, что Вы дѣлаете по поводу меня?

Куда Вы идете? Зачѣмъ это дѣлаете? Мало развѣ въ атмосферѣ уже такого, что смущаетъ публику и она задаетъ себѣ вопросъ, зачѣмъ все это нужно Бакаю?

Да, я говорилъ, что изъ Россіи, изъ-за границы, въ Парижѣ мнѣ приходится часто выслушивать самые ужасные, иногда самые дикіе слухи о Васъ, также о Меньщиковѣ.

Но я никогда Вамъ не говорилъ, что тотъ или иной человѣкъ говорилъ, во всякомъ случаѣ о М. не было рѣчи. Разъ Вы хотите поднимать этотъ вопросъ при Ц. К., — Вы не могли развѣ провѣрить Ваши соображенія? Къ чему эта тайна, при которой Вы сдѣлали свое заявленіе?

Но кромѣ этой фактической н е п р а в д ы у Васъ много въ письмѣ такого, противъ чего я возмущенъ.

Ваши слова о Зильбергѣ и, потомъ, — Вы и теперь подписываетесь подъ своей статьей въ "Journal" Но

поймите, что она возмутительна. Она не могла не быть истолкована, какъ часть общей борьбы со мной.

Я не говорю о томъ, что благодаря Вамъ напечатался Колпаковъ, — я его выгналъ за то, что онъ напечаталъ Вами написанное.

Вы примѣшиваете въ это дѣло Меньщикова. Оставьте его въ покоѣ. Онъ за себя отвѣчаетъ. Онъ задалъ своей статьей, за подписью Иванова, тонъ всей компаньи. Она правильно была поняга "Нов. Вр.", и въ такомъ духѣ, по этому камертону, запѣли всѣ. Продолженіе за ней Меньщикова были въ такомъ же духѣ. Но это его дѣло, — онъ самъ и будетъ за себя отвѣчать. А Вы-то зачѣмъ въ походъ собираетесь противъ меня?

Неужели такъ близоруки, что не видите, куда Васъ зоветъ этотъ новый Вашъ курсъ? Вѣдь, все, что дѣлали и дѣлаете за этотъ мѣсяцъ рѣжетъ не меня, а Васъ, и я не знаю, куда Вы идете.

Подумайте!

Вашъ **Влад.**

ОТВѢТЪ БАКАЯ.

"Владиміръ Львовичъ!

Я подумалъ и рѣшилъ: разъ Вы нашли болѣе удобнымъ, вмѣсто личнаго объясненія, письменное, то я не уклоняюсь и отъ этого способа сношеній и отвѣчаю.

Ваше письмо прочелъ со вниманіемъ и съ великимъ удивленіемъ. На протяженіи всего письма Вы нѣсколько разъ сказали: "зачѣмъ въ походъ собираетесь противъ меня" и т. д.

Да развѣ видно изъ моего письма, что я собираюсь птти противъ Васъ? Снова беру письмо къ М. А. Натансону, читаю и нахожу, что оно заключаетъ въ себѣ все, что я имѣлъ въ виду сказать.

Это письмо я писалъ не Вамъ и не на Васъ, а г. Натансону, тому человѣку, который бросилъ, будто бы, въ меня обвиненіе.

Вы то здѣсь при чемъ?

Развѣ я на Васъ въ чемъ жалуюсь или подговариваю кого-нибудь въ походъ?

Не чувствуя за собой абсолютно никакой вины, я совершенно спокойно доказываю въ этомъ письмѣ, что всѣ эти слухи о complot'ѣ — абсурдны, а съ другой стороны предлагаю тѣмъ, кто меня заподазриваетъ въ сношеніяхъ съ Департаментомъ Полиціи, предъявить свое обвиненіе публично. Развѣ я этого не имѣю права дѣлать? Развѣ я заслуживаю, чтобы послѣ всѣхъ испытанныхъ мною гоненій меня опять начали преслѣдовать?

Развѣ я не долженъ былъ, послѣ Вашихъ неоднократныхъ заявленій о томъ, что "всѣ говорятъ", что я иду противъ Васъ и въ этомъ видна рука Департамента Полиціи, выступить на защиту себя? Развѣ я не имѣлъ права, когда услышалъ отъ Васъ, что о томъ же говоритъ и г. Натансонъ, человѣкъ убѣленный сѣдинами въ революціонной борьбѣ и пользующійся такимъ огромнымъ авторитетомъ, обратиться къ нему съ просьбой предъявить это обвиненіе публично?

Когда Вы повторяли, что, молъ, "говорятъ всѣ", я на это мало обращалъ вниманія, ибо "со всѣми", безлично, нельзя считаться. Но разъ я получилъ отъ Васъ указаніе на опредѣленное лицо, я обязанъ былъ протестовать, и протестовалъ.

Теперь оказывается, что г. Натансонъ ничего подобнаго обо мнѣ не говорилъ. Я очень радъ этому, ибо знаю, что разъ г. Натансонъ этого не говорилъ, то не могли дѣлать такихъ заявленій ни Черновъ, ни Савинковъ, ни Авксентьевъ, ни имъ подобныя лица. Но тутъ возникаетъ вопросъ: кто же изъ насъ говоритъ правду? Вы теперь заявляете, что вовсе не передавали мнѣ, что подозрѣнія на мой счетъ были высказаны Натансономъ, а мои утвержденія по этому поводу называете "фактической неправдой".

Я же повторяю настоятельно и категорически, что я лично, въ Вашей квартирѣ, 2-го октября слышалъ то, о чемъ написалъ г. Натансону; я даже переспросилъ Васъ тогда и Вы мнѣ отвѣтили: "да, объ этомъ говоритъ Натансонъ". Послѣ этого, выйдя отъ Васъ, я встрѣтился, въ разное время, съ 3 революціонерами, и задалъ имъ одинъ и тотъ же вопросъ: "Скажите, можетъ ли Натан-

сонъ теперь говоритъ, что я подосланъ Департаментомъ Полиціи для интригъ противъ Бурцева?" Всѣ трое категорически отвѣтили, что Натансонъ настолько серьезный человѣкъ, что говорить этого не могъ. Послѣ этого я, не говоря никому ни слова, написалъ письмо г. Натансону и въ Центральный Комитетъ. Такимъ образомъ вопросъ о томъ, кто изъ насъ говоритъ п р а в д у остается, если хотите, о т к р ы т ы м ъ.

Теперь Вашимъ дополнительнымъ заявленіемъ устанавливается, что если не г. Натансонъ, то "говорятъ другіе" и притомъ — "самыя ужасныя вещи", т. е., что находятся люди, которые распространяютъ злостные про меня слухи. Въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, было бы болѣе правильнымъ назвать мнѣ клевещущихъ на меня лицъ, дабы я могъ къ нимъ обратиться съ требованіемъ предъявить мнѣ обвиненіе публично, на что послѣдовалъ бы и публичный отвѣтъ. Съ другой стороны, Вы и сами, казалось, должны бы печатно заявить протестъ противъ того, что находятся люди, которые продолжаютъ подозрѣвать меня въ сношеніяхъ съ Департаментомъ Полиціи.

Но, быть можетъ, Вы, поддавшись ложному внушенію, что я готовлю противъ Васъ complot, и сами начали подумывать: "а что если онъ и въ самомъ дѣлѣ подосланъ, чтобы свалить меня, какъ очень опаснаго для правительства дѣятеля?". Кстати у Васъ встрѣчается соотвѣтствующая характерная фраза по этому случаю. Серьезно, впрочемъ, я не допускаю и мысли, что Вы можете объ этомъ думать, и Вашу фразу о перемѣнѣ "курса" считаю просто неудачнымъ выраженіемъ.

Я послалъ письмо г. Натансону, не посовѣтывав-

шись съ Вами, такъ какъ не усматривалъ въ немъ ничего для Васъ особо важнаго; убѣдившись, что Вы сами не находите возможнымъ протестовать противъ инсинуацій на мой счетъ, я рѣшилъ сдѣлать это самъ.

Я разсудилъ, что разъ дѣло имѣешь съ заблужденіями честныхъ людей, то и бороться надо прямыми путями. Извѣстное лицо говоритъ обо мнѣ нехорошо — говори, докажи, что ты дѣйствительно имѣешь основаніе для этого.

Дальше. Вы говорите, что многое въ моемъ письмѣ Васъ возмущаетъ, но что именно — точно не указываете. Гдѣ въ немъ неправда, фантазія, подтасовка фактовъ и пр., что могло бы Васъ основательно возмутить?

Единственно, на что Вы опредѣленно указываете — это на статью въ Journal'ѣ, гдѣ я разсказываю о томъ, какъ былъ разоблаченъ Гартингъ. Вы говорите, что "она не могла не быть истолкована, какъ часть общей борьбы со мной".

На этомъ выраженіи я хочу остановиться подробно. Вы находите, что эта статья, написанная безусловно правдиво, отвѣчающая вполнѣ фактической сторонѣ дѣла, извѣстная, къ тому же, Вамъ еще съ прошлаго года — "возмутительна".

Почему-же, однако? Правда можетъ быть непріятной, неудобной для извѣстной личности при нѣкоторыхъ условіяхъ, но чтобы она, какъ выраженіе объективной истины, являлась возмутительной — этого не могу объяснить. Съ другой стороны, я никакъ не могу понять, почему эту статью могутъ истолковывать не иначе, какъ часть общей борьбы съ Вами? Развѣ она содержитъ разсужденія,

направленныя противъ Васъ, или поносить Ваше имя? Ничего подобнаго въ ней нѣтъ. Но возможно, что эта статья Вамъ непріятна по другимъ мотивамъ и, быть можетъ, именно потому, что она не согласуется съ тѣмъ, что Вы писали на ту же тему и въ томъ же "Journal". Но если Вы мою статью о Гартингѣ называете частью борьбы съ Вами, то тогда Ваши три интервью—въ Утро Россіи, Русскомъ Словѣ и Парижскомъ Листкѣ по тому же вопросу, можно съ большей основательностью назвать борьбою трехъ Бурцевыхъ между собою — такъ онѣ противорѣчивы. Это, пожалуй, смѣшно, но нельзя не согласиться, что это такъ...

Затѣмъ Вы мнѣ пишете, чтобы я оставилъ въ покоѣ Меньщикова. А развѣ я когда-нибудь связывалъ его дѣйствія со своими? Наоборотъ, я всегда Вамъ говорилъ и повторяю, что къ появленію Меньщикова и къ его выступленіямъ никакого отношенія не имѣлъ и не имѣю. Онъ дѣйствуетъ совершенно независимо и самостоятельно. Несомнѣнно, письмо Меньщикова въ "Парижск. Листкѣ" за подписью "Иванова" сыграло извѣстную роль въ оцѣнкѣ Вашей дѣятельности, но не надо забывать, что этому заявленію предшествовали письма г. Дейча, а затѣмъ статья г. Минскаго въ "Утро Россіи", которая была перепечатана многими газетами.

"Тонъ", какъ видите, былъ заданъ сначала революціонеромъ, затѣмъ это подхватили прогрессисты, и только спустя мѣсяцъ послѣ появленія телеграммы въ "Matin", "Новое Время" вскользь коснулось письма Иванова. Слѣдовательно, говорить о томъ, что "Нов. Время" воспользовалось создавшейся атмосферой для борьбы съ

Вами — не приходится, ибо это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Заканчивая свое письмо Вы говорите: "вѣдь все, что дѣлали и дѣлаете за этотъ мѣсяцъ, рѣжетъ не меня, а Васъ и я не знаю, куда Вы идете".

Эта фраза положительно ставитъ меня въ недоумѣніе.

Для того, чтобы говорить такъ — необходимо имѣть факты, и разъ это "все" дѣлается уже въ теченіе одного мѣсяца, то ихъ должно набраться не мало. Между тѣмъ, кромѣ восклицаній, я не нахожу въ письмѣ Вашемъ доказательствъ того, что я "рѣжу" кого-нибудь. Факты, которые рѣжутъ, должны быть ужасны. Не такъ ли? Однако, ничего ужаснаго я не совершилъ и все на лицо. Укажите мнѣ, хотя приблизительно, что собственно меня рѣжетъ? Статья ли въ "Journal", фельетонъ ли въ "биржевкѣ", или письмо къ г. Натансону? Разумѣется, ни то, ни другое, ни третье. Иного абсолютно ничего нѣтъ.

Тѣмъ не менѣе — "дыма безъ огня не бываетъ". Есть, повидимому, люди, которые сомнѣваются въ моей искренности. Эти сомнѣнія, конечно, нетрудно усилить людямъ, недоброжелательно ко мнѣ относящимся.

Многіе, если не всѣ, совершенно не знаютъ истиннаго характера нашихъ съ Вами отношеній и потому могутъ невольно впадать въ ошибки, допускать мысль о возможности перемѣны мною "курса" и т. д. Я хочу положить предѣлъ всякимъ недоразумѣніямъ и потому обращаюсь съ этимъ письмомъ къ Вамъ.

Нелегко мнѣ это дѣлать; больно растравлять свои раны. Тяжело снова переживать минувшее и я съ трудомъ приступаю къ краткому описанію всѣхъ перипетій

нашихъ взаимоотношеній. Повторяю, я этого не хотѣлъ, но обстоятельства меня къ тому вынуждаютъ. Я хочу, чтобы публика знала, къ чему я стремился, начиная съ іюля 1906 года, и почему я не достигъ всего того, о чемъ мечталъ. Я хочу сказать правду о себѣ, такъ какъ вижу, что безполезно ждать, чтобы ее сказали тѣ, кто, казалось бы, обязанъ это сдѣлать.

Начну съ самаго начала.

До 1907 года, находясь на службѣ въ качествѣ чиновника для порученій при Варшавскомъ охранномъ отдѣленіи, я исполнялъ свои обязанности, какъ то надлежало. Провокаціей, т. е. создаваніемъ ложныхъ дѣлъ, не занимался, съ арестованными всегда обходился вѣжливо. Былъ въ своихъ дѣйствіяхъ корректенъ, какъ ни одинъ изъ чиновъ охраннаго отдѣленія. Первымъ начальникомъ моимъ былъ ротмистръ Петерсонъ, человѣкъ сравнительно честный, что такъ рѣдко встрѣчается среди жандармовъ. Но въ сентябрѣ 1905 г. Петерсонъ ушелъ. Его мѣсто занялъ подполковникъ Шевяковъ, человѣкъ глупый и подлый; на первыхъ же порахъ онъ началъ явно провоцировать многія дѣла; это меня сразу оттолкнуло. Не думая еще оставлять службу и въ то же время не желая быть соучастникомъ дѣйствій Шевякова, я въ началѣ декабря 1905 г. уѣхалъ въ Москву, къ Петерсону, съ цѣлью хлопотать о перемѣнѣ мѣста. Въ Москву я прибылъ какъ разъ вначалѣ возстанія и принужденъ былъ остаться тамъ до его конца.

Впечатлѣнія отъ Московскихъ событій, отъ неподготовленности и безсистемности дѣйствій революціонеровъ, отъ военныхъ жестокостей, очевидцемъ которыхъ я былъ, настолько сильно повліяли на меня, что я тогда же серь-

езно задумался надъ вопросомъ, "почему такъ безрезультатно проливается дорогая кровь?"

Возвратясь въ Варшаву, я засталъ реакцію въ полномъ ходу и все происходило по приказанію свыше. Мѣстныя власти принялись душить все, что имъ казалось неугоднымъ, причемъ во всѣхъ ихъ жестокостяхъ, которыя слѣдовали вмѣстѣ съ репрессіями, по моимъ наблюденіямъ, проявлялась просто месть по отношенію къ оппозиціи. Въ періодъ свободы власти дѣйствительно пережили нѣсколько непріятныхъ дней, онѣ были унижены тѣми, конхъ преслѣдовали и вотъ, почувствовавъ себя снова сильными, начали мстить, — мстить жестоко и явно...

Сейчасъ же по моемъ возвращеніи мнѣ поручили произвести допросы арестованныхъ анархистовъ, незаконно находившихся въ распоряженіи сыскного отдѣленія.

Здѣсь я впервые узналъ, что арестованныхъ пытаютъ. Я протестовалъ, но это было безполезно. Мало того, что арестованныхъ на допросахъ пытали, но ихъ потомъ еще разстрѣливали въ административномъ порядкѣ. Объ этомъ я узналъ въ Кѣльцахъ, изъ газетъ, и у меня, отъ неожиданности подобнаго извѣстія, газета выпала изъ рукъ. Долго послѣ этого я ходилъ по номеру гостинницы и думалъ... Думалъ я о томъ, что дѣлать? Съ этимъ вопросомъ я возвратился въ Варшаву.

Здѣсь, послѣ анархистовъ, въ томъ же сыскномъ отдѣленіи, начали истязать членовъ P. P. S. Нѣсколько разъ я говорилъ подполковнику Шевякову, что подобный образъ дѣйствій вызоветъ со стороны партіи массовый терроръ и то, что я предугадывалъ, какъ естественный

выводъ, вскорѣ появилось напечатаннымъ въ Rabotnik'ѣ. Если сравнить мою службу этого времени съ прежней, то можно сказать, что съ самаго пріѣзда изъ Москвы я почти не работалъ. Собственной инициативы я совсѣмъ не проявлялъ, къ секретной агентурѣ не имѣлъ никакого отношенія и только велъ допросы. Меня уже ничто не интересовало въ дѣятельности охраннаго отдѣленія и я по собственной инициативѣ многихъ освобождалъ, или же давалъ въ этомъ направленіи совѣты прис. пов. П. относительно его клиентовъ, находившихся подъ стражей.

Мое безразличіе доходило до того, что, получивъ свѣдѣнія изъ достовѣрнаго источника, что при посредствѣ Грина готовится освобожденіе арестованныхъ членовъ боевой организаціи, подвергавшихся имъ же ранѣе истязаніямъ, я умышленно не счелъ нужнымъ сообщить объ этомъ по начальству для принятія соотвѣтствующихъ мѣръ. Такимъ образомъ 11 человѣкъ получили свободу и въ этомъ есть доля моего участія, исключительно по причинѣ уже яснаго сочувствія революціонерамъ. Это мое настроеніе отразилось и въ другомъ случаѣ: ведя дознаніе объ убійствѣ Татарова въ Варшавѣ, я точно установилъ убійцу и все запротоколировалъ, но объ этомъ никому не сказалъ и данныя уничтожилъ. Вы, конечно, знаете о комъ идетъ здѣсь рѣчь.

Точно опредѣлить времени я не могу, но, приблизительно, въ концѣ апрѣля 1906 года у меня ясно опредѣлилось отношеніе къ правительству и революціонерамъ. Изъ всего было видно, что всѣ обѣщанія, данныя въ манифестѣ 17 октября, забыты, и Россія возвращается снова къ первобытному состоянію. Съ другой стороны

революціонеры, обнаружившіе всю наличность своихъ силъ, о которыхъ за время пребыванія ихъ въ подпольѣ были преувеличеннаго мнѣнія, перестали пользоваться вліяніемъ на массы и съ каждымъ днемъ теряли подъ собой почву.

Вдаваясь въ анализъ и ставя себя въ качествѣ посторонняго наблюдателя въ отношеніи обѣихъ сторонъ, я пришелъ къ заключенію, что всѣ шансы для подавленія массоваго революціоннаго движенія на сторонѣ правительства, но, думалъ я, если революціонныя организаціи приступятъ къ планомѣрному и систематическому террору, то реакція будетъ обуздана и послѣдствіемъ явится полное осуществленіе обѣщанныхъ свободъ. Всѣ мои симпатіи были, безусловно, на сторонѣ революціонеровъ, и, естественно, на сторонѣ тактики соціалистовъ-революціонеровъ, передъ которыми, къ тому же, я считалъ себя виновнымъ. Я рѣшилъ помочь этой партіи, имѣя въ виду выяснить необходимость и возможность устраненія Столыпина, Герасимова и прочихъ дѣятелей контръреволюціи. Я думалъ не только выяснить это, но и оказать свое личное содѣйствіе для достиженія этихъ цѣлей, въ виду чего выхлопоталъ себѣ двухмѣсячный отпускъ.

Но тутъ у меня возникъ вопросъ: какъ же установить необходимыя связи? Прежде всего я думалъ обратиться къ Чернову, личность коего была хорошо извѣстна Департаменту Полиціи; затѣмъ хотѣлъ воспользоваться услугами Пѣшехонова, который, какъ мнѣ извѣстно было, въ концѣ 1904 года пріѣзжалъ въ Варшаву для переговоровъ съ партіями; наконецъ, я остановился на Васъ, Владиміръ Львовичъ, и по слѣдующему поводу.

Въ Варшавское охранное отдѣленіе изъ Департамен-

та Полиціи была прислана копія перлюстраціоннаго письма за подписью "Леонидъ", адресованнаго изъ Варшавы въ Екатеринодаръ на имя одной особы.

Въ этомъ письмѣ авторъ его разсказывалъ, что онъ, получивъ явки и деньги отъ Васъ (Бурцева), пріѣхалъ въ Польшу съ цѣлью спаять военно-революціонный элементъ, устроить организацію и пр., — словомъ человѣкъ являлся чуть ли не съ диктаторскими революціонными полномочіями отъ Вашего имени. Изъ письма выходило, что Вы въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ играете выдающуюся роль. Какъ оказалось, этотъ господинъ (небезъизвѣстный г. О., онъ же К.) просто лгалъ своей знакомой.

20 мая 1906 года я пріѣхалъ въ Спб. и зашелъ въ Охранное отдѣленіе, чтобы окольными путями узнать адресъ Чернова. Я получилъ указаніе, что онъ живетъ гдѣ то въ Финляндіи. Тогда я пошелъ на Спасскую ул., но тамъ мнѣ сказали, то Пѣшехонова нѣтъ въ Петербургѣ. Ну, рѣшаю идти въ редакцію "Былого" (кстати помѣщавшейся тогда на той же улицѣ), чтобы повидаться съ Вами. Вы меня приняли и я началъ выкладывать свои планы, предварительно предупредивъ Васъ, что обращаюсь къ Вамъ въ виду письма "Леонида", копію котораго тогда же или далъ Вамъ, или пересказалъ, — теперь не помню.

Я Вамъ заявилъ въ этомъ разговорѣ, что, по моему мнѣнію, надвигающаяся реакція постепенно отниметъ все данное, что Дума будетъ насильно распущена и что поэтому необходимъ терроръ; въ концѣ концовъ я предложилъ свои услуги, съ каковой цѣлью готовъ былъ остаться на два мѣсяца въ С.-Петербургѣ.

Естественно, Вы не повѣрили мнѣ сразу и сказали, что Вы прежде всего литераторъ, собираете матеріалъ объ революціонномъ движеніи, что теперь есть Дума, что при ея посредствѣ можно свободно бороться, что террора теперь не надо и т. д. Ко всему этому Вы прибавили, что Вы ни къ какой революціонной партіи не принадлежите, но пользуетесь полнымъ довѣріемъ всѣхъ.

Когда я началъ говорить о сильной провокаціи и указалъ, что у соц.-революціонеровъ есть важный предатель "Раскинъ", Вы на это отвѣтили удивленіемъ и заявили съ увѣренностью, что никакихъ большихъ провокаторовъ нѣтъ, а есть только мелочь. Всѣ же обыски и аресты Вы объясняли наружной слѣжкой. Однимъ словомъ, Вы оказались той же непочатой цѣлиной по вопросу о провокаціи, какъ и всѣ революціонеры того времени. Въ концѣ концовъ Вы у меня попросили какихъ-нибудь старыхъ документовъ. "Этого злата сколько угодно въ охранномъ отдѣленіи", заявилъ я и обѣщалъ Вамъ его доставить. Конечно, я былъ совершенно неудовлетворенъ встрѣчей, которой такъ нетерпѣливо ждалъ, но, въ виду Вашего заявленія, что при Вашемъ посредствѣ можно снестись съ партіями, я рѣшилъ потерпѣть, чтобы добиться связей съ ними и доказать имъ на дѣлѣ искренность своихъ намѣреній.

Послѣ этого я возвратился въ Варшаву, забралъ "обзоры важнѣйшихъ донесеній" съ 70 годовъ и алфавитъ эмигрантовъ и со всѣмъ этимъ багажемъ поѣхалъ къ Вамъ. Начинаю снова съ Вами говорить, посвятилъ Васъ въ невѣдомыя дебри Департамента Полиціи, а затѣмъ уѣхалъ въ Витебскъ, чтобы провести тамъ свой отпускъ.

Вы, пожалуй, скажете: зачѣмъ я разсказываю то, что Вамъ подробно извѣстно? Я считаю, что это вступленіе необходимо, чтобы разъ навсегда объяснить, что задумалъ я явиться къ революціонерамъ не подъ вліяніемъ страха передъ неизбѣжностью революціи, о которой въ маѣ мѣсяцѣ 1906 года уже не могло быть рѣчи, а исключительно въ силу сознанія того, что революціонерамъ необходимо помочь въ борьбѣ съ правительствомъ. Это было мое искреннее и единственное желаніе.

Настоящее предисловіе нахожу полезнымъ сдѣлать и въ виду Вашихъ частыхъ заявленій. "я нашелъ Бакая" и т. д. Вы, конечно, меня не искали, а я самъ явился, по собственному желанію и не для того, чтобы лично услужить Вамъ, доставить Вамъ удовольствіе, а для пользы революціи и только для этого.

Продолжаю дальше.

Послѣ окончанія отпуска я возвратился въ Варшаву и твердо рѣшилъ, или перейти въ Петербургъ, поближе къ "центру", гдѣ, думалъ я, можно оказать болѣе существенныя услуги революціонерамъ, или же оставить службу и заняться разоблаченіями охраны передъ русскимъ обществомъ. Въ этихъ намѣреніяхъ я еще болѣе утвердился, когда Шевяковъ былъ смѣщенъ и его замѣнилъ Заварзинъ, который сталъ практиковать произволъ болѣе дикій, чѣмъ его предшественникъ. Въ концѣ октября я подалъ заявленіе въ Департаментъ полиціи съ просьбой предоставить мнѣ мѣсто въ С.-Петербургѣ; мнѣ предложили должность начальника Севастопольскаго охраннаго отдѣленія (пункта). Я отказался. Захвативъ копію записки Пѣтухова о Сѣдлецкомъ погромѣ (объ этомъ я съ Вами говорилъ тогда-же), 11-го декаб-

ря я уѣхалъ изъ Варшавы въ Спб., гдѣ подалъ заявленіе объ увольненіи отъ службы. Мнѣ дали 1000 рублей пособія и съ 1-го января 1907 года я уже числился въ отставкѣ.

Сдѣлавшись совершенно вольнымъ человѣкомъ, я поселился въ Петербургѣ и началъ часто посѣщать Васъ, обсуждая въ длительныхъ бесѣдахъ проекты уничтоженія Герасимова, Департамента Полиціи и Варшавскаго охраннаго отдѣленія. Думаю, что тогда уже въ моей искренности у Васъ не было сомнѣній.

Одновременно я началъ раскрывать Варшавскую агентуру; по понятнымъ причинамъ я не могъ разсказать все сразу, но тѣмъ не менѣе я тогда же сообщилъ Вамъ до 20 фамилій шпіоновъ. Вы мнѣ передавали, что всѣми моими свѣдѣніями дѣлитесь съ поляками.

Я не знаю, кто именно былъ, кому Вы сообщали мои указанія на польскихъ провокаторовъ, но впослѣдствіи выяснилось, что господинъ, получившій отъ Васъ свѣдѣнія, использовалъ изъ нихъ только тѣ, которыя относились къ "Р. Р. S." — лѣвицѣ, что же касается остальныхъ, какъ то Бунда, "Р. Р. S. — правицы" и т. д., то онъ не счелъ нужнымъ подѣлиться полученными указаніями и предалъ ихъ забвенію.

Въ этомъ случаѣ была проявлена халатность, которая не можетъ быть извинительной не только для революціонера, но и для всякаго мало-мальски порядочнаго человѣка. Благодаря этой халатности многіе провокаторы продолжали свою работу, а между ними были лица, состоявшіе членами боевой организаціи, и, кто знаетъ, сколько они послали людей на висѣлицы, каторгу и въ ссылку!.. Однако, это въ высшей степени печальное об-

стоятельство Вы нашли возможнымъ обойти молчаніемъ, тогда какъ, мнѣ кажется, такой образъ дѣйствій заслуживалъ самаго суроваго порицанія.

Я увидѣлъ тогда, что даваемыя мною Вамъ свѣдѣнія ни къ какимъ практическимъ результатамъ не приводятъ и я не могъ понять, почему это такъ выходитъ. Между тѣмъ время бѣжало, реакція усиливалась, и мнѣ тяжело было видѣть, что польза, которую я хотѣлъ принести дѣлу революціи, не достигалась.

Въ это же время я задался цѣлью выяснить личность агента "Раскина" и поэтому поводу ѣздилъ даже въ Москву; "Раскина" мнѣ тогда установить не удалось (это былъ Азефъ), но я добылъ свѣдѣнія о сотрудничествѣ въ полиціи Рысса и нѣкоторыхъ другихъ.

Сказать правду, я уже тогда подумывалъ, что Вы не пользуетесь особымъ довѣріемъ у революціонеровъ и путаете свѣдѣнія. Помню, мнѣ не разъ приходилось Вамъ поправлять одну и ту же фамилію, которую Вы запоминали на разные лады. Зависѣло это отъ плохой Вашей памяти, разсѣянности и непривычки быть точнымъ въ деталяхъ.

Какъ разъ въ это время я встрѣтился съ помощникомъ охраны царя Шепелемъ; у меня явилось намѣреніе поступить въ Царское Село хотя бы писцомъ и предоставить революціонерамъ возможность совершить, какъ говорится, "актъ первостепенной важности". Я не сомнѣвался, что мнѣ удастся поступить въ охрану; Шепель обѣщался меня устроить, а къ Ратко и Герарди я имѣлъ рекомендательныя письма.

Своимъ планомъ я подѣлился съ Вами, при чемъ прибавилъ, что если революціонеры не захотятъ вос-

пользоваться моими услугами, то я совершу актъ за свой рискъ и страхъ. Шелъ на это я только потому, что видѣлъ въ выдающемся террористическомъ фактѣ единственный способъ возрожденія революціоннаго движенія и ради этого готовъ былъ пожертвовать собой.

Въ то же время я занимался писаніемъ своихъ мемуаровъ. Само собою разумѣется, мои путешествія къ Вамъ, безусловно излишніе разговоры Ваши о полицейскомъ источникѣ и т. д. не могли не обратить вниманія охраннаго отдѣленія на меня. Началась слѣжка; замѣтивъ ее, я счелъ было дѣло погибшимъ. Все пропало! — думалъ я. Изъ всѣхъ моихъ плановъ ни одинъ не успѣлъ осуществиться, а между тѣмъ я уже нахожусь подъ наблюденіемъ!.. Я испытывалъ тяжелое настроеніе... Я поспѣшилъ съ описаніемъ главныхъ фактовъ провокаціи, практиковавшейся Шевяковымъ и Заварзинымъ, и передалъ написанное Вамъ для просмотра.

Въ то самое время происходитъ инцидентъ съ Болеславомъ Бродскимъ и куокальскими бомбами. Я указалъ Вамъ на этого провокатора и лишній разъ убѣдился, что **по моимъ свѣдѣніямъ никакихъ мѣръ не было принято.** Въ результатѣ 11 человѣкъ пошло на каторгу!..

Мои надежды рушились совсѣмъ, и я взялъ отъ Васъ мои мемуары, которые оказались даже непересмотрѣнными, и отдалъ на систематическую выправку д-ру Василевскому, рѣшивъ передать ихъ затѣмъ въ Государственную Думу, какъ матеріалъ для запросовъ

Вѣдь все равно, думалъ я, арестуютъ, зато въ Государственной Думѣ мои мемуары поднимутъ шумъ и заставятъ говорить о злѣ провокаціи. Рукописи я отдалъ

въ пятницу, а въ понедѣльникъ былъ арестованъ. Меня заключили въ Петропавловскую крѣпость...

Въ моемъ распоряженіи оказалось времени достаточно для того, чтобы поразмыслить и я много думалъ, съ горечью и злобой, о томъ, какъ, при богатомъ запасѣ свѣдѣній и, казалось, самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, я, ничего не добившись, попалъ въ тюрьму. Много я думалъ о своихъ неудачахъ потомъ, и теперь вспоминая ихъ, прихожу невольно въ ужасъ — такъ мало было сдѣлано изъ того, что представлялось возможнымъ! Сколько несчастій могло быть предотвращено, сколько людей удалось бы спасти, если бы умѣло и энергично использовали мою освѣдомленность и опытность!

А итогъ? По дѣлу коукальскихъ бомбъ депутаты 2-ой Государственной Думы пошли въ Сибирь. По дѣлу заговора на царя (Никитенко и др.), **не смотря на мои предупрежденія о томъ, что охранѣ предпріятіе это хорошо извѣстно, затѣя эта не была оставлена, и въ результатѣ 3 повѣшено, а 7 въ каторгѣ.** По дѣлу Азефа — "Раскинъ" не былъ установленъ, хотя это такъ легко было сдѣлать путемъ выясненія указаннаго мною факта (посѣщеніе, въ особыхъ обстоятельствахъ, Раскинымъ Душевскаго въ Варшавѣ). И, какъ знать, можетъ быть, тогда же удалось бы обезвредить этого предателя!

Я не знаю, съ кѣмъ Вы тамъ имѣли дѣла, но фактъ тотъ, что **очевидно цѣнныя указанія не были своевременно использованы и однимъ изъ виновниковъ этой небрежности, той небрежности, за которую заплатило столько революціонеровъ своей жизнью и страданіями, являетесь Вы.** Я это особенно подчеркиваю, такъ какъ

если Вы считаете себя здѣсь не причемъ, то надо указать истинныхъ виновниковъ.

Наконецъ, будучи въ Пересыльной тюрьмѣ я Вамъ послалъ еще **списокъ провокаторовъ**, но, насколько мнѣ извѣстно, **и эти свѣдѣнія не были использованы надлежащимъ образомъ** и шпіоны имѣли возможность продолжать свою разрушительную работу вплоть до моего переѣзда заграницу.

Очутившись въ Сибири, я рѣшилъ немедленно бѣжать, такъ какъ полагалъ, что въ моемъ распоряженіи остался большой запасъ свѣдѣній, полезныхъ для революціи.

Оставляю безъ комментарій легенду, что Вы мнѣ устроили побѣгъ изъ Сибири, съ каковой цѣлью, якобы, былъ посланъ туда человѣкъ и т. д. Этотъ революціонеръ пріѣзжалъ совсѣмъ по другому поводу. Если Вы въ самомъ дѣлѣ и готовили что-нибудь, то не забудьте, что это сейчасъ же сдѣлалось извѣстнымъ Департаменту Полиціи и, не предупреди я своей поспѣшностью — быть бы мнѣ въ Обдоркѣ долгое время.

Прибывъ въ Финляндію, я направился прямо къ Вамъ. Вы, конечно, помните нашъ разговоръ въ "Сѣверной гостинницѣ"; было рѣшено, что я ѣду во Францію, а вслѣдъ за мной и Вы. Заграницей мы предполагали начать кампанію противъ провокатуры. и Вы тогда, какъ теперь помню, сказали, чтобы я на Васъ смотрѣлъ, какъ на товарища, и обѣщали мнѣ полную поддержку.

Передъ моимъ отъѣздомъ въ Швецію, Вы попросили меня составить краткій списокъ тѣхъ провокаторовъ, которыхъ я зналъ въ Варшавѣ. Обстановка и поспѣш-

ность, а также ожиданіе ежечасно ареста въ Выборгѣ, не могли способствовать тому, чтобы я могъ составить подробный списокъ. Матеріала подъ руками не было, и мнѣ пришлось писать по памяти. Въ виду того, что Вы сказали, что тотъ списокъ не будетъ использованъ печатно, я, конечно, не заботился о деталяхъ, и внесъ туда такихъ лицъ, которыя пытались только войти въ сношенія, или же были мнѣ мало извѣстны. Всего я записалъ 53 человѣка, причемъ нѣкоторыхъ помнилъ только по фамиліи и больше ничего. Довѣряясь Вамъ вполнѣ, я былъ глубоко убѣжденъ, что все это лишь для интимнаго пользованія, въ противномъ случаѣ я не далъ бы этого списка, или, пренебрегая опасностью, составилъ бы болѣе подробный.

Пріѣхавъ во Францію (это было въ январѣ 1908 г.), я началъ писать свои мемуары; ко времени Вашего пріѣзда заграницу (или немного позже) черновые записки моихъ воспоминаній были возстановлены и я ихъ отдалъ Вамъ для пересмотра.

Совершенно неожиданно, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, я прочиталъ въ органѣ соц.-дем. кор. польск. и Литвы — "Czerwony Standard", что Центральный Комитетъ Россійской соц.-дем партіи прислалъ списокъ агентовъ охраны, который редакція "C. St." и помѣстила безъ измѣненія. Никакого предисловія, никакихъ оговорокъ, или подтвержденій редакція не дѣлала. Это было для меня большой неожиданностью. Печатаніе подобнаго списка я считалъ не только безполезнымъ, но и непозволительнымъ и вотъ по какимъ причинамъ. Списокъ былъ не полонъ; почти никакихъ уличающихъ фактовъ приведено не было, (какъ выше сказано, по поспѣшно-

сти я этого не могъ сдѣлать); нѣсколько фамилій оказались перепутанными; несомнѣнно, такъ же, что прежде опубликованія надлежало познакомить каждую партію съ ея предателями, между тѣмъ ни Р. Р. S. , ни Бундъ, которые больше всего были заинтересованы въ этомъ, не были поставлены въ извѣстность. Опубликовала же списокъ с.-д. к. п. и Л., которая имѣла въ немъ своихъ предателей 3-4 человѣка. Естественно, что изъ опубликованія ничего не вышло полезнаго; оно только внесло путаницу, съ которой до сего времени не удалось разобраться.

За разъясненіями по поводу появленія списка въ печати я обратился къ Вамъ. Вы мнѣ заявили, что Васъ подвелъ с.-д. Т. Я Вамъ не имѣлъ основаній не вѣрить, но, согласитесь съ тѣмъ, что подобный поступокъ въ столь отвѣтственномъ дѣлѣ Вы не должны были оставлять безъ послѣдствій. Однако, насколько мнѣ извѣстно, Вы къ выходкѣ Т. отнеслись совершенно безразлично.

Здравый смыслъ мнѣ тогда говорилъ, что для всесторонняго использованія подобнаго матеріала необходимо было вызвать по представителю отъ заинтересованныхъ партій и предложить имъ переговорить со мной о каждомъ указываемомъ провокаторѣ. Не сомнѣваюсь, что почти о каждомъ шпіонѣ я бы могъ сообщить настолько исчерпывающій матеріалъ, такія детали, что никакихъ недоразумѣній не возникло бы и съ провокаторами Царства Польскаго давно удалось бы раздѣлаться.

Этому помѣшала Ваша тактика. Она была такова: говорить со мной единолично, не допускать ни кого сноситься со мною непосредственно, и вообще держать меня за стѣной; немудренно, что при такой постановкѣ дѣла,

благодаря вашей разсѣянности и плохой памяти, получались всегда недоразумѣнія то съ именами, то съ фамиліями, то съ фактами, и, конечно, такая узурпація источника безусловно полезныхъ свѣдѣній для революціонныхъ организацій только приносила вредъ. Въ этомъ я убѣдился впослѣдствіи, когда получилъ возможность лично говорить съ представителями заинтересованныхъ партій. Случалось, что свѣдѣнія Х. Вы приписывали У., а указанія У. относили къ Х. и т. д. Въ силу этого у людей, получавшихъ свѣдѣнія, оказывавшіяся, не по моей винѣ, часто разнорѣчивыми, возникали сомнѣнія въ самой достовѣрности ихъ. И все падало на мою голову.

Я часто удивлялся, что Вы переспрашиваете меня по нѣсколько разъ объ одномъ и томъ же дѣлѣ. Правда, Вы теперь объясняете, что путемъ этихъ переспрашиваній Вы хотѣли удостовѣриться въ точности сообщеннаго мною. Но, проще говоря, это происходило отъ того, что Вы забывали сегодня то, что было сказано вчера. Вообще, нельзя не согласиться съ г. Дейчемъ, который писалъ, что Вы своимъ вмѣшательствомъ въ планомѣрное разслѣдованіе только запутывали дѣло настолько, насколько это было возможно.

И такъ, первое выступленіе съ раскрытіемъ провокатуры вышло неудачнымъ. Въ списокъ, опубликованный "Czerwony Standard" попали такія лица, которыхъ нельзя было назвать шпіонами ни подъ какимъ видомъ, напр., Дунинъ-Борковскій. Въ немъ были опубликованы и такія, о которыхъ имѣлись косвенныя указанія на то, что они провокаторствовали (Хвелевицкая). Были въ этомъ спискѣ оглашены такъ же агенты, относительно

личностей которыхъ имѣлись слишкомъ недостаточныя указанія, отчего происходили скандалы съ однофамильцами; это случилось съ Отмаръ-Штейномъ, Рудницкимъ. Наконецъ, вышло такъ, что вмѣсто Кенсицкаго, напечатали "Коницкій", а такой дѣйствительно оказался служащимъ въ Варшавскомъ магистратѣ. Вы, конечно, помните, что надъ невиннымъ человѣкомъ висѣло это обвиненіе въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; нетрудно понять, что онъ пережилъ за это время.

Не успѣлъ я успокоиться отъ исторіи съ этимъ злосчастнымъ спискомъ, какъ вдругъ въ Przedswit'ѣ въ нѣсколькиъ номерахъ появилась квинтъ-эссенція моихъ мемуаровъ. Я къ Вамъ. На какомъ основаніи "Przedswit" напечаталъ мои воспоминанія и какъ они туда попали? спрашиваю я у Васъ. Вы отвѣтили, что дали одному человѣку только ознакомиться съ ними, а онъ ихъ напечаталъ безъ Вашего разрѣшенія.

Здѣсь я долженъ, хотя заднимъ числомъ, отмѣтить то недоумѣніе, которое вызвалъ у меня этотъ Вашъ поступокъ. Въ данномъ случаѣ Вы воспользовались моимъ безвыходнымъ положеніемъ, зная, что протестовать я не могъ, и, не сказавъ мнѣ ничего, распорядились моими рукописями, какъ своей собственностью. Въ этомъ я видѣлъ не только потерю своей самостоятельности, но и прямой матеріальный ущербъ, такъ какъ послѣ у меня никто уже не хотѣлъ купить моихъ мемуаровъ для изданія на польскомъ языкѣ, ссылаясь на то, что все главное напечатано въ Przedswit'ѣ.

Приведу еще примѣръ путанницы съ фамиліей.

Кажется, еще въ 1906 г. я Вамъ указалъ на Кенсицкаго, находившагося тогда въ числѣ секретной агентуры;

Вы фамилію перепутали и сообщили о какомъ-то не то Косицкомъ, не то Кемпчинскомъ. Конечно, такой фамиліи не было найдено и Кесницкій оставался до апрѣля мѣсяца 1908 г. въ рядахъ революціонеровъ. Его пребываніе, какъ извѣстно, не обошлось безъ крупныхъ предательствъ, кончившихся висѣлицами, и даже коснулось французскихъ анархистовъ. Только совершенно случайно Кенсицкій былъ обнаруженъ на похоронахъ Гершуни, послѣ того, какъ я исправилъ его фамилію и далъ детали о его дѣятельности.

Заговоривъ о Кенсицкомъ, я не могу оставить безъ напоминанія одного трагическаго эпизода, связаннаго съ именемъ Кенсицкаго, въ которомъ Вы сыграли тогда непонятную роль.

Я имѣю въ виду дѣло Абламовича. Послѣ провала Кенсицкій скрылся; недѣли черезъ 3-4 совершенно неожиданно онъ назначилъ свиданіе Абламовичу — своему бывшему товарищу по гимназіи; послѣдній отнесся къ этому приглашенію съ осторожностью и явился къ Вамъ, съ товарищемъ Л., посовѣтоваться относительно образа дѣйствій.

Вы порекомендовали пойти; свиданіе состоялось въ одномъ изъ кафе; изъ разговора съ Кесницкимъ выяснилась его цѣль: завлечь Абламовича въ секретные сотрудники. Послѣ перваго свиданія Вы порекомендовали Абламовичу повидаться еще и вообще сдѣлать видъ, что условія предлагаемой службы принимаются. Кенсицкій свелъ Абламовича со своимъ шефомъ и въ качествѣ задатка получилъ 500 фр. Эти деньги, какъ и содержаніе всѣхъ переговоровъ, Абламовичъ передалъ Вамъ.

О сношеніяхъ Абламовича съ Кесницкимъ и его шефомъ, а также о полученіи 500 фр. "за разговоръ" узналъ представитель P. P. S. г. С. и написалъ по этому поводу статью въ "Naprzod'ѣ", называя Абламовича провокаторомъ.

Естественно, что Абламовичъ началъ защищаться и указалъ, что онъ такъ поступилъ по Вашему совѣту. С. на судъ не согласился, мотивируя это тѣмъ, что съ личностью, имѣвшей сношенія съ полиціей, онъ не можетъ считаться и обратился къ Вашему содѣйствію. Вы обѣщали помочь, напечатавъ все это дѣло въ "Быломъ" или Револ. Мысли, но и на этотъ разъ обѣщанія своего не исполнили, по непонятнымъ для меня причинамъ.

Вы толкнули Абламовича на поступокъ, который не можетъ быть ничѣмъ оправдываемъ; по своей молодости и неопытности онъ не разобралъ, къ какой пропасти идетъ и... споткнулся. Ваша обязанность была защитить его, дать объясненіе его поведенію; этого Вы не сдѣлали и позорное обвиненіе надъ Абламовичемъ виситъ до сего времени.

Перейду теперь къ исторіи съ Азефомъ.

Бросая ретроспективный взглядъ на все это дѣло и анализируя прошедшее при свѣтѣ новооткрывшихся фактовъ, я долженъ сказать, что въ это дѣло была внесена масса ненужныхъ элементовъ, благодаря которымъ оно запутывалось до безконечности.

Лично для меня, я считаю дѣло это возникшимъ еще въ 1906 году, когда я заявилъ, что въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ имѣется крупный провокаторъ, извѣстный въ Департаментѣ Полиціи подъ псевдонимомъ "Раскинъ".

Серьезно выясненіемъ этой линости я занялся въ началѣ 1907 года, но, въ виду моего ареста, дѣло было прервано на цѣлый годъ.

Какъ извѣстно, у меня было достаточно данныхъ для установленія личности "Раскина" и если бы онѣ были использованы надлежащимъ образомъ, то, конечно, имя Азефа было бы произнесено гораздо ранѣе.

Я не берусь точно установить, какими путями дошли до Азефа, ибо для меня это не играетъ существенной роли, такъ какъ, по моему мнѣнію, достаточно было спросить Душевскаго, кто именно пріѣзжалъ къ нему въ указанное время и вопросъ рѣшился бы самъ собой. Такъ или иначе, но подозрѣніе пало на Азефа и черезъ годъ оно перешло въ положительное обвиненіе.

Въ данномъ случаѣ я хочу только остановиться на методѣ разслѣдованія и пріемахъ таковаго, примѣненныхъ въ этомъ дѣлѣ.

Какъ и во всякихъ разслѣдованіяхъ по обвиненіямъ въ шпіонствѣ, неподлежащихъ въ первой своей стадіи оглашенію, требовалось сохранить полнѣйшую конспирацію и въ дѣлѣ Азефа; это нужно было какъ для проведенія разслѣдованія по существу, такъ и для поддержанія равновѣсія отношеній съ заинтересованной партіей.

Было ли соблюдено это условіе?

Насколько мнѣ извѣстно, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ у Васъ, послѣ переговоровъ со мной, накопилось противъ Азефа матеріала столько, то Вы могли, подъ величайшимъ секретомъ, подѣлиться своими подозрѣніями съ нѣсколькими самыми близкими Вамъ людьми и съ довѣренными лицами заинтересованной партіи. Ваше заявленіе соціал.-революціонерамъ о томъ, что въ лицѣ "Раскина", о

которомъ былъ разговоръ еще въ 1906 году, подозрѣвается Азефъ, конечно, было недостаточно убѣдительнымъ; понятно, партійные люди, стоявшіе на той точкѣ зрѣнія, что полиція все время стремится скомпрометировать Азефа, отнеслись къ Вашему заявленію недовѣрчиво.

Вмѣсто того, чтобы молчаливо продолжать изысканіе и добываемые новые факты сообщать заинтересованной сторонѣ, Вы начали распространять слухи объ Азефѣ, повсюду, гдѣ только могли. Это повело къ тому, что Вы себѣ нажили враговъ, а Азефъ — защитниковъ.

Эту ошибку я считаю серьезнымъ промахомъ. Нельзя снимать шкуры съ неубитаго медвѣдя, также точно нельзя было объявлять Азефа передъ всѣми провокаторомъ, не собравъ достаточныхъ данныхъ для его уличенія.

Послѣ того, какъ я узналъ, что выяснено, что у Душевскаго былъ именно Азефъ, для меня не было сомнѣнія, что онъ провокаторъ и я сталъ тщательнѣе припоминать и анализировать все то, что я зналъ о "Раскинѣ". Съ чувствомъ удовлетворенія могу сказать, что въ дѣлѣ Азефа я ни въ одномъ своемъ выводѣ не ошибся. Это было подтверждено такимъ компетентнымъ лицомъ, какъ Г. А. Лопатинъ (въ письмѣ къ полякамъ).

Конечно, всѣми своими данными и предположеніями я дѣлился съ Вами и мы ихъ обсуждали безконечное число разъ. Въ анализѣ уличающихъ данныхъ противъ Азефа, Вы дѣйствительно искренне прислушивались ко всѣмъ моимъ совѣтамъ, которые собственно и явились главной базой для постройки обвиненія и, если бы не другія ненормальныя условія моего участія въ разслѣдованіи, задача была бы рѣшена во много разъ легче.

Меня удивляло всегда, почему Вы, не смотря на мои просьбы, не свели меня ни съ однимъ виднымъ соц.-революціонеромъ для того только, чтобы поговорить по дѣлу. Вѣдь объясняться лично, или черезъ посредника — большая разница.

Я, какъ живой свидѣтель многихъ фактовъ, могъ ихъ передавать такъ, какъ ихъ наблюдалъ; Вы же, посредникъ, невольно могли впасть въ ошибки, что и случалось не разъ — объ этомъ я скажу дальше.

Когда мнѣ пришлось выступать непосредственно въ судѣ по дѣлу Азефа я, по свидѣтельству Лопатина и Крапоткина, своими десятичасовыми объясненіями произвелъ настолько сильное впечатлѣніе на судей, что послѣ моего свидѣтельскаго показанія о судѣ надъ Вами не возникало и рѣчи: перешли прямо къ обвиненію Азефа. А вотъ примѣръ обратнаго. При реализаціи дѣла Азефа, въ прокламаціи, изданной соц.-революціонерами по этому поводу, я прочиталъ: "Бакаю нельзя было вѣрить, ибо разъ онъ говорилъ, что "Раскинъ" это Р. (соц.-дем.), другой, что это Рыссъ". Это заявленіе для меня явилось совершенно неожиданнымъ, ибо я никогда личность "Раскина" не смѣшивалъ, ни съ Р., ни съ Рыссомъ. Это Вы строили такія предположенія и представляли ихъ какъ отъ меня исходящія. Нетрудно догадаться, какъ вліяли на ходъ разслѣдованія подобныя "недоразумѣнія"...

Не подумайте, что я хочу сказать, что Вы не сыграли никакой роли въ дѣлѣ Азефа. Это было бы въ высшей степени несправедливо, но я хочу только отмѣтить то обстоятельство, что Вы во многихъ случаяхъ сами се-

бѣ и дѣлу вредили. Если начать анализировать анкету объ Азефѣ, отбросивъ всѣ Ваши ошибки, которыя, насколько мнѣ помнится, не были повторены передъ революціоннымъ трибуналомъ, то можно сказать, что разслѣдованіе велось правильно.

Какъ я уже повторялъ неоднократно, гарантіей успѣха въ дѣлѣ утилизаціи секретныхъ указаній является конспирація, которая одинаково необходима, какъ въ интересахъ разслѣдованія, такъ и въ интересахъ тѣхъ, кто является въ данномъ случаѣ информаторомъ.

Въ дѣлѣ уличенія Азефа рѣшающее значеніе имѣло заявленіе Лопухина. Изъ чувства признательности, а равно въ интересахъ дальнѣйшаго пользованія свѣдѣніями его, или ему подобныхъ лицъ, являлось крайне важнымъ и необходимымъ сохранить имя Лопухина внѣ подозрѣній. Правда, это было трудно сдѣлать, но все же представлялось возможнымъ не дать правительству никакихъ юридическихъ доказательствъ противъ Лопухина.

Насколько мнѣ извѣстно, арестъ Лопухина послѣдовалъ послѣ того, какъ было напечатано въ лондонскомъ "Times" его письмо къ Столыпину. Сначала я предполагалъ, что это письмо было дано для опубликованія самимъ авторомъ, потомъ я думалъ, то это сдѣлали соц.-революціонеры. Во всякомъ случаѣ у меня по этому поводу опредѣленнаго мнѣнія не имѣлось и я считалъ вопросъ объ этомъ открытымъ.

Совершенно неожиданно, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1910 года, я узналъ (мнѣ представляли и доказательства), что виновникомъ опубликованія письма Лопухина въ "Times" были Вы! Возможно ли это? Неужели Вы могли

поступить такъ съ человѣкомъ, который оказалъ неоцѣнимую услугу и революціонерамъ и Вамъ лично?

Если это сдѣлали не Вы, и на Васъ клевещутъ, то Вамъ необходимо сдѣлать соотвѣтствующее заявленіе. Ибо эта правда, или ложь, уже не является секретомъ двухъ-трехъ человѣкъ.

Какъ мнѣ передавали, инцидентъ съ оглашеніемъ письма Лопухина представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Вы сообщили, устно, бывшему члену совѣта рабочихъ депутатовъ С. о содержаніи письма Лопухина, съ тѣмъ, чтобы онъ огласилъ его въ повременной печати. С. обратился за этимъ къ журналистамъ Л. и З., а тѣ, въ свою очередь, сдѣлали соотвѣтствующее предложеніе представителю "Times" въ Парижѣ — Зедерсу. Послѣдній не захотѣлъ помѣстить документъ въ видѣ пересказа, а попросилъ дать копію, но обязательно кѣмъ-нибудь удостовѣренную. С. обратился къ Вамъ; у Васъ копіи не оказалось; тогда Вы обратились къ с.-р. съ просьбой дать Вамъ на время письмо Лопухина для личнаго пользованія. По полученіи письма отъ соц.-революціонеровъ, извѣстный Вамъ В. снялъ съ него копію, а Вы внизу написали: "Подлинная копія съ письма А А. Лопухина" (я видѣлъ лично копію и Вашу подпись на ней). Получивъ отъ Васъ "письмо" Лопухина, С. передалъ его Л. и З., которые отправились къ Зедерсу и продали этотъ документъ (вѣрнѣе Лопухина) за сто франковъ. Изъ этихъ денегъ Л. и З. взяли по 40 фр., а С. получилъ 20 фр. Когда письмо было уже продано, (но точно не знаю, появилось ли оно уже въ печати, или нѣтъ), Зедерсъ сказалъ: "я увѣренъ, что появленіе это-

го письма поведетъ къ аресту Лопухина". Пророчество это сбылось...

Теперь я хочу остановиться на другихъ фактахъ.

Весной 1909 года къ одному изъ видныхъ революціонеровъ явился уволенный со службы русской заграничной агентуры филеръ Леруа и предложилъ ему пріобрѣсти тайны русской полиціи. Этотъ революціонеръ, имя коего Вамъ хорошо извѣстно, не пожелалъ имѣть съ Леруа никакихъ дѣлъ. Какими то судьбами Леруа попалъ къ Вамъ и Вы вошли съ нимъ въ соглашеніе.

Извѣстно, что у филеровъ не можетъ быть никакихъ важныхъ свѣдѣній — они могутъ только знать тѣхъ, кто состоитъ подъ наблюденіемъ; секретная же агентура имъ неизвѣстна, за исключеніемъ частныхъ случаевъ, когда филеръ или самъ догадывается, что такое то лицо служитъ полиціи, или же когда его предупреждаютъ объ этомъ въ цѣляхъ розыска, что бываетъ чрезвычайно рѣдко.

На первый же разъ, чтобы залучить Леруа, Вы ему дали нѣсколько сотъ франковъ и получили отъ него кой-какія неопредѣленныя свѣдѣнія по вопросу о провокаціи. О томъ, что Леруа явился къ Вамъ, узналъ Гартингъ (задавались ли Вы вопросомъ, какъ это случилось?). Чтобы парализовать непріятныя послѣдствія, Леруа былъ призванъ въ посольство и ему тамъ предложили не разсказывать ничего о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ въ продолженіи своей службы и за молчаніе предложили 3 тысячи франковъ. Леруа, какъ опытный человѣкъ, получилъ эту сумму и не являлся къ Вамъ нѣсколько недѣль. Потомъ, когда Леруа разсчиталъ, что можно еще

получить, онъ явился снова къ Вамъ съ предложеніемъ тѣхъ же услугъ.

Вы хотя и знали съ его словъ о произшедшемъ съ нимъ казусѣ, но значенія ему не придали и приступили къ использованію свѣдѣній и опытности филера. Леруа ни одной фамиліи секретнаго сотрудника Вамъ не далъ; его свѣдѣнія, какъ и надо было ожидать, вертѣлись "вокругъ да около"; онъ указалъ только нѣкоторыхъ сыщиковъ, разсказалъ о ихъ сплетняхъ, которые, конечно, никакой цѣнности для освободительнаго движенія не представляли. Это не помѣшало, однако, нѣкоторымъ журналистамъ заявить, съ Вашихъ словъ, въ печати, что Леруа Вамъ далъ кипы секретнѣйшихъ документовъ, для перевозки которыхъ на Вашу квартиру потребовалось нѣсколько подводъ. Россійскій обыватель вѣрилъ этимъ рóсскaзнямъ и дивился Вашимъ талантамъ разыскивать клады.

Обратившись къ реализаціи полученныхъ свѣдѣній, Вы занялись установкой одного таинственнаго провокатора, который былъ извѣстенъ Леруа только по наружности. Изслѣдованіемъ Вы занимались самолично. Сначала Вами былъ заподозрѣнъ инженеръ С., выѣхавшій въ А.; объ этомъ Вы кое-кому сообщили и написали. Черезъ нѣкоторое время, когда я досталъ фотографію и письма С., Вы измѣнили свое мнѣніе и рѣшили, что искомымъ шпіономъ долженъ быть убійца адмирала Чухнина, революціонеръ А. На чемъ основывалось подобное заключеніе — мнѣ неизвѣстно, но Вы были такъ убѣждены въ правильности Вашего вывода, что поспѣшили написать куда слѣдуетъ и тамъ А. объявили въ печати предателемъ.

Теперь извѣстно, что таинственный провокаторъ, о которомъ Вы собирали свѣдѣнія, былъ никто иной, какъ Батушанскій, проживавшій въ Парижѣ и нерѣдко посѣщавшій Васъ. Какъ извѣстно, на Батушанскаго указалъ Меньщиковъ, но, имѣя въ виду сообщить непосредственно объ этомъ соц.-демократамъ, онъ не далъ Вамъ никакихъ подробностей объ этомъ агентѣ. Тѣмъ не менѣе Вы опубликовали фамилію Батушанскаго, не имѣя никакихъ фактическихъ данныхъ. Соц.-демократы назначили судъ надъ Батушанскимъ и Вы выступили обвинителемъ безъ документовъ, но за то со свидѣтельскими показаніями Леруа, свѣдѣнія котораго въ свое время, по Вашей примѣркѣ, вполнѣ подходили сначала къ С., затѣмъ къ А. и, наконецъ, оказались вполнѣ пригодными для Батушанскаго. Естественно, что судьи, въ томъ числѣ г. Дейчъ, отнеслись крайне скептически, какъ къ Вашему показанію, такъ точно и къ свидѣтельству Леруа. Въ полемикѣ, возникшей въ связи съ этимъ эпизодомъ, дѣло дошло до того, что Васъ обвинили въ томъ, что Вы "чужими руками жаръ загребаете". Приглашеніе Меньщикова въ качествѣ прямого свидѣтеля сразу рѣшило это дѣло и Батушанскій былъ объявленъ провокаторомъ...

Чтобы осуществить свое желаніе имѣть собственныхъ филеровъ, Вы предложили Леруа поступить къ Вамъ на службу и начали его посылать для наблюденія за тѣми революціонерами, которые Вами подозрѣвались въ сношеніяхъ съ полиціей. Ваша дѣятельность не была санкціонирована революціонными организаціями и мнѣ кажется, что по чисто этическимъ причинамъ Вы не имѣли права наблюдать за своими товарищами при по-

средствѣ Леруа и ему подобныхъ. Кромѣ своей антиморальности, эти дѣйствія были безполезны и, по моему мнѣнію, даже вредны.

На искренность Леруа нельзя полагаться, либо она ясно опредѣлилась съ самаго начала. Представьте себѣ, что Вы дѣйствительно получили вѣрныя свѣдѣнія о сношеніяхъ какого-нибудь лица съ полиціей и это необходимо установить. Вы прибѣгаете къ помощи Леруа, онъ наблюдаетъ и дѣйствительно выясняетъ, что подозрѣваемый былъ на свиданіи съ кѣмъ либо изъ чиновъ охраны. Не можетъ ли случиться такъ, что онъ сначала пойдетъ къ тому же Бинту (завѣдывающему наружнымъ наблюденіемъ русской полиціи заграницей) и скажетъ: "я знаю Вашего агента, я установилъ Ваше свиданіе съ нимъ. Дайте соотвѣтствующій выкупъ, или я скажу Бурцеву!" Увѣряю Васъ, что правительство не задумается дать Леруа въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ онъ получитъ отъ Васъ, лишь бы только не потерять сотрудника. Вы также ничѣмъ не гарантированы отъ того, что за сотню франковъ, по предложенію того же Бинта, Леруа согласится облыжно указать на какого-нибудь революціонера, что онъ его замѣтилъ въ сношеніяхъ съ полиціей и это будетъ, пожалуй, для Васъ достаточно для того, чтобы объявить такого человѣка провокаторомъ...

Но вотъ на разоблачительской сценѣ появилась новая фигура.

30-го мая 1909 г. я уѣхалъ въ Стокгольмъ на свиданіе съ Л. П. Меньщиковымъ. Тамъ я узналъ о цѣли его выѣзда заграницу. Вызвалъ онъ меня на свиданіе для того, чтобы я ему помогъ оріентироваться при пер-

выхъ сношеніяхъ съ революціонерами, которымъ онъ предполагалъ дать свѣдѣнія о провокатурѣ.

Казалось бы, что прежде всего я долженъ былъ посовѣтовать Меньщикову сойтись съ Вами. Но, Владиміръ Львовичъ, скажу откровенно, въ это время я уже достаточно хорошо зналъ Васъ и потому, въ интересахъ революціоннаго дѣла, въ интересахъ лучшаго использованія матеріаловъ, посовѣтывалъ Меньщикову не прибѣгать ни къ какимъ посредникамъ, портящимъ только дѣло, а снестись прямо съ представителями революціонныхъ партій. Во мнѣ говорили въ данномъ случаѣ пріобрѣтенная практичность, собственный горькій опытъ; я не хотѣлъ, чтобы другіе, желавшіе принести пользу освободительному движенію, повторили мою ошибку. Вѣдь, нѣтъ хуже того положенія, когда человѣкъ хочетъ помочь дѣлу, не имѣя въ виду никакихъ лицъ и ихъ субъективныхъ интересовъ, а впослѣдствіи выходитъ, что всѣ начинанія общественнаго характера превращаютъ въ личное, какъ бы домашнее дѣло!

Для меня всегда было страннымъ видѣть, какъ Вы монополизировали мое имя, мою освѣдомленность. "Съ Бакаемъ могу сноситься только я; безъ моего присутствія никто не смѣетъ съ нимъ разговаривать; я за него отвѣтственъ" и т. д., заявляли Вы. Помню, какъ помимо Васъ ко мнѣ обратились изъ "Рев. Мысли", чтобы я далъ имъ нѣсколько именъ провокаторовъ съ подробными свѣдѣніями; Вы, узнавъ объ этомъ, сейчасъ же обратились ко мнѣ и сказали:

— "Не надо давать имъ ничего; скажите, что Вы можете снабжать ихъ свѣдѣніями только черезъ меня". Вотъ до чего доходило у Васъ собственное "я" и "мое"!

Въ первое же свиданіе Меньщиковъ задалъ мнѣ вопросъ, знаю ли я, кто такое Гартингъ?

Его упоминаніе, что это бывшій Вашъ другъ, "инженеръ" и пр. навели меня на мысль, что рѣчь идетъ о Гекельманѣ. Я сообщилъ о своей догадкѣ Меньщикову, и онъ мнѣ отвѣтилъ: "Это доказываетъ, что Бурцевъ плохо видитъ, что дѣлается у него подъ самымъ носомъ. Вѣдь Гекельманъ — его пріятель, онъ его отлично зналъ и потому раскрыть (хотя бы послѣ извѣстной исторіи съ русскими революціонерами въ Германіи) Гартинга было уже не такъ трудно — стоило только немного вникнуть и призадуматься. Тѣмъ легче это было сдѣлать, когда Гекельманъ занялъ высокій полицейскій постъ въ Парижѣ, въ центрѣ русской эммиграціи".

Мнѣ приходилось только согласиться съ этимъ.

Было рѣшено, что Вы встрѣтитесь съ Меньщиковымъ въ Брюсселѣ, гдѣ онъ, въ виду пріѣзда царя въ Шербургъ, долженъ былъ сообщить Вамъ о Гартингѣ, для опубликованія въ газетахъ, въ цѣляхъ агитаціи. Послѣ этого я поѣхалъ за Вами въ Парижъ и мы вмѣстѣ вернулись въ Брюссель. По дорогѣ Вы меня разспрашивали, чѣмъ Меньщиковъ больше всего интересовался. На это я Вамъ отвѣтилъ, что его больше всего занималъ вопросъ о раскрытіи провокаціи, объ отношеніи революціонныхъ организацій къ этому и обо мнѣ. Я объяснилъ Вамъ также, что въ предѣлахъ возможнаго я нарисовалъ Меньщикову безотрадное положеніе разоблачительной кампаніи и, въ частности, указалъ на отрицательное отношеніе ко мнѣ, какъ на результатъ допущенныхъ съ самаго начала ошибокъ. Это мое правдивое заявленіе оказалось Вамъ непріятнымъ; Вы находили, что я этимъ

напортилъ и Вы, не скрывая, выражали мнѣ свое неудовольствіе.

Услышавъ въ Брюсселѣ впервые отъ Меньщикова о Гартингѣ, Вы были страшно поражены. Мы рѣшили, что дѣло это будетъ реализовано Вами и мною — совмѣстными усиліями: Вы забьете въ набатъ, а я напишу статьи для газетъ, такъ какъ о дѣятельности Г. по Департаменту Полиціи знали въ революціонномъ лагерѣ только я и Меньщиковъ.

Возвратившись въ Парижъ, послѣ трехнедѣльныхъ скитаній въ поѣздахъ и на пароходахъ, я сейчасъ же уѣхалъ на югъ Франціи, условившись съ Вами, что къ началу дѣла Гартинга Вы меня вызовете телеграммой.

Совершенно неожиданно вскорѣ прочиталъ я во французскихъ газетахъ о поднятомъ дѣлѣ Гартинга. Въ теченіи 5 дней я ожидалъ, что Вы мнѣ напишете, но напрасно. 14 іюля я самъ пріѣхалъ въ Парижъ и сейчасъ же обратился къ Вамъ съ вопросомъ, почему я не былъ вызванъ, какъ было условлено. Вы мнѣ на это отвѣтили, что, кажется, такого уговора не было и потомъ еще что-то.

Оказывается, что ближайшими своими сотрудниками Вы взяли З. и Б., которые по даннымъ мною и Меньщиковымъ матеріаламъ составили статьи и отъ Вашего имени помѣстили ихъ въ газетахъ. Просматривая эти статьи, я нашелъ въ нихъ много фальсификаціи и неправдоподобности, тѣмъ не менѣе эти статьи дали большіе доходы.

Считая, что я имѣю больше права писать о Гартингѣ и могу составить статьи съ большей достовѣрностью, а также желая заработать нѣсколько сотъ франковъ, я

обратился къ Вамъ съ предложеніемъ изготовить нѣсколько статей и пустить ихъ въ печать отъ Вашего имени, какъ то дѣлали З. и Б. Вы не согласились на это. Такимъ образомъ въ дѣлѣ Гартинга Вы не исполнили по отношенію ко мнѣ элементарной справедливости: не выполнили договора, начавъ дѣло безъ меня и не дали мнѣ заработать ни сантима.

Это дѣло Вамъ дало нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ, причемъ ни я, ни Меньщиковъ, абсолютно ничего не получили. Правда, Меньщиковъ сознательно не хотѣлъ связывать своихъ дѣйствій съ денежнымъ вопросомъ, но я находился совершенно въ другомъ положеніи. Я былъ нищимъ; за свои статьи въ "Matin" я получилъ 3000 фр., но, по неопытности, довѣрился г. Х., котораго Вы мнѣ рекомендовали, какъ очень честнаго человѣка, въ качествѣ переводчика, и былъ имъ обманутъ, какъ мальчишка: изъ 3000 фр. за переводы онъ взялъ себѣ 1875 фр. Я указывалъ на неблаговидность поступка Х., но Вы отъ оцѣнки его нашли возможнымъ уклониться.

Дѣло Гартинга содержитъ въ себѣ такія яркія черточки для характеристики Вашей дѣятельности, что я считаю необходимымъ остановиться на немъ болѣе подробно.

Чтобы прельстить французскую бульварную прессу, Вашъ сотрудникъ З. не стѣснялся на краски для разрисовки Вашихъ пинкертоновскихъ подвиговъ. Факты, дѣйствительно заслуживавшіе вниманія, терялись среди вымысловъ. Въ этихъ статьяхъ, подписанныхъ Вашимъ именемъ, встрѣчались и Ганнибалова клятва, которой Вы давали обѣтъ отыскать Ландезена и то, что Вы 16

лѣтъ этимъ занимались и то, что, наконецъ, кропотливо сличая почерки, Вы напали на слѣдъ этого провокатора.

Возможно, что для людей, не знавшихъ "обратной стороны медали", казались правдоподобными всѣ эти измышленія, но вообразите мнѣніе о Васъ тѣхъ, которые были освѣдомлены объ истинной Вашей роли? Какъ они должны были относиться къ Вашей Ганнибаловой клятвѣ и прочимъ литературнымъ украшеніямъ Вашихъ статей? Когда за Васъ эту чушь сочинили, а Вы санкціонировали все своимъ именемъ, я тогда же, въ присутствіи З. и Б., говорилъ Вамъ, что Вы, Владиміръ Львовичъ, слишкомъ уклоняетесь отъ истины, что это принесетъ впослѣдствіи Вамъ только вредъ; я указывалъ также, что въ дѣлѣ Гартинга Вамъ принадлежитъ не первая роль и что въ концѣ концовъ придется истинѣ предоставить ея мѣсто. Но Вы тогда были такъ поглощены своимъ величіемъ, что позабыли объ истинѣ. Вы не постѣснились даже заявить, что открыть Гартинга Вамъ помогъ Леруа. Послѣднему Вы дали 5 тысячъ франковъ. Когда Васъ спрашивали съ удивленіемъ, за что такая милость, то Вы отвѣчали: онъ мнѣ сообщилъ, что Гартингъ имѣетъ Почетнаго Легіона; между тѣмъ, на тотъ же вопросъ, мнѣ Вы отвѣтили просто и правдиво: "далъ я ему 5 тысячъ франковъ для того, чтобы это широко распространилось среди агентовъ полиціи, въ расчетѣ, что послѣ этого многіе, польстившись на хорошій заработокъ, будутъ являться ко мнѣ съ секретами". Въ этомъ заявленіи нашла себѣ отраженіе Ваша точка зрѣнія на одинъ изъ способовъ обнаруживать провокатуру, по своей явной наивности не требующая особыхъ комментарій.

Въ то время, когда Вы разыгрывали фарсъ съ дѣломъ Гартинга, Меньщиковъ пріѣхалъ въ Парижъ и при Вашемъ посредствѣ, хотя и вопреки Вашему желанію, что Вы мнѣ неоднократно высказывали, познакомился съ представителями партій соц.-революціонеровъ, а черезъ меня сошелся затѣмъ и съ членами Парижской группы этой партіи.

Видя Вашу тактику, Меньщиковъ вообще не обнаружилъ склонности дѣлиться съ Вами свѣдѣніями, а слѣдующій Вашъ поступокъ совершенно оттолкнулъ его отъ Васъ.

Было установлено, что фамилія Меньщикова не должна быть называема никому безъ его согласія. Вы этого обѣщанія не сдержали и сказали ее многимъ, даже такимъ лицамъ, которыя во всякомъ случаѣ не должны были знать этого секрета (напримѣръ, З., Б., и др.). Это еще такъ себѣ, — на Вашу способность держать языкъ за зубами никто особенно не полагался; но случилось нѣчто болѣе серьезное, чего я совсѣмъ не ожидалъ, и что окончательно испортило Ваши отношенія съ Меньщиковымъ. Послѣдній при личныхъ встрѣчахъ съ Вами въ достаточной степени выяснилъ свои цѣли и надъ тѣмъ, что его свѣдѣнія или документы можно покупать, что его бумагами можно торговать, разъ навсегда поставилъ крестъ. Было слишкомъ ясно, что онъ дѣлалъ свое дѣло не ради матеріальныхъ цѣлей. Тѣмъ не менѣе, не смотря на то, что Вы прекрасно это поняли, Вы неоднократно говорили и очень многимъ, что, молъ, какъ только буду имѣть 20 тысячъ р. наличными деньгами, то сейчасъ же куплю весь матеріалъ у Меньщикова. Это же самое Вы повто-

рили и въ Америкѣ, и, по словамъ Зильберга, были даже имъ удерживаемы отъ этого.

Вышло такъ, что послѣ подобныхъ Вашихъ разговоровъ,ко мнѣ многіе обращались съ вопросомъ: "значитъ Меньщиковъ, онъ же Иксъ, пріѣхалъ сюда торговать своимъ матеріаломъ?"

Элементарная справедливость требовала отъ Васъ не только не давать повода говорить такъ, но останавливать тѣхъ, кто высказывалъ подобныя предположенія...

Освободившись отъ дѣла Азефа, я сталъ поближе къ жизни и впервые началъ сталкиваться съ людьми лѣваго лагеря.

Тутъ только выяснилось для меня многое такое, изъ чего я понялъ, что Вы неспособны къ совмѣстной работѣ, что Вы собственно ничему не научились, что Вы не только не умѣете разбираться въ деталяхъ, но даже не можете быть точнымъ посредникомъ.

Я увидѣлъ, что у Васъ слишкомъ много "отсебятины", а чувство саморекламы доминируетъ надъ всѣмъ. Я узналъ, что какъ революціонныя организаціи, такъ и отдѣльные видные дѣятели, знавшіе Васъ по многу лѣтъ, относились ко всѣмъ Вашимъ начинаніямъ крайне отрицательно. Для меня стало совсѣмъ ясно, почему такъ неладно выходило съ моими свѣдѣніями. Ваши же самостоятельныя выступленія, послѣ дѣла Азефа, Ваши дальнѣйшія собственныя умозаключенія, еще болѣе укрѣпили меня въ правильности моей точки зрѣнія на Васъ.

Для меня стало несомнѣннымъ, что Ваша дѣятельность на томъ пути, на который Вы ее направили, существенныхъ результатовъ принести не можетъ. Вмѣсто

революціоннаго дѣла получался какой то кавардакъ и пляска на чужихъ ранахъ, на ранахъ русской революціи. Я не могъ и не могу отдѣлаться отъ того горькаго и тяжелаго чувства, которое мнѣ приноситъ сознаніе почти безплодно затраченныхъ усилій и перенесенныхъ страданій. Я бросилъ службу, попалъ въ Петропавловку, Сибирь, и, наконецъ, въ эмиграцію; я постоянно рисковалъ своей жизнью (покушеніе на меня, организованное провокаторомъ Воскресенскимъ, не удалось лишь по случайнымъ причинамъ). На все это я шелъ, чтобы послужить освободительному движенію. Съ болью въ сердцѣ я вижу, что мною не сдѣлана и малая доля того, что я долженъ былъ сдѣлать. Я не получилъ никакого удовлетворенія и лично; въ результатѣ тяжелыхъ испытаній — нужда, клевета, поношеніе моего имени и справа и слѣва. И въ этомъ виноватъ не только я со своей довѣрчивостью и наивностью; за теперешнее мое положеніе отвѣтственны и Вы, злоупотребившіе моей неопытностью.

Но Вы не только помѣшали мнѣ выйти на широкую, открытую дорогу — Вы и сами сбились съ истиннаго пути.

Это можно видѣть хотя бы на слѣдующемъ примѣрѣ. Какъ то я зашелъ къ Вамъ и Вы мнѣ дали для ознакомленія корректуру книжки, приготовлявшейся для печати на французскомъ языкѣ по дѣлу Азефа. Просматривая ее, я съ изумленіемъ остановился на названіи одной главы: "Шерлокъ Холмсъ русской революціи". Сначала я не понялъ, и думалъ, что здѣсь какое-нибудь недоразумѣніе; оказалось не такъ — Шерлокомъ Холмсомъ называютъ Васъ. Возмущаясь за Васъ, я обратился къ

Вамъ съ вопросомъ: развѣ Вы ничего не имѣете противъ того, чтобы Васъ такъ величали? Мнѣ казалось это названіе совсѣмъ не подходящимъ для Васъ, ибо революціонеръ и сыщикъ, Вы и Шерлокъ Холмсъ, мнѣ представлялись двумя противоположными полюсами, какъ по соціальному положенію, такъ и по моральному облику. Каково же мое было удивленіе, когда Вы, нехотя, отвѣтили: "А это они тамъ пишутъ". Для меня не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что это названіе Вамъ пришлось по душѣ и я только могъ подумать: бѣдный Шерлокъ Холмсъ!

Итакъ, Вы санкціонировали называть Васъ кличкой сыщика. Ради чего Вы унизились до этого?

Я вполнѣ понимаю составителей этой книги Лонге и Зильбера — они преслѣдовали чисто коммерческую цѣль. Сама по себѣ ихъ книга не представляетъ ничего интереснаго, являясь компилятивной перепечаткой уже появившихся сообщеній объ Азефѣ въ русской прессѣ съ примѣсью соціалъ-демократическихъ выпадовъ противъ террора, защитникомъ котораго Вы являетесь. Вокругъ имени Азефа создалась масса небылицъ, компиляторы все это перевели на французскій языкъ, а чтобы товаръ пошелъ ходко, назвали книжку "Полицейскіе и террористы" и дали ей подходящую обложку сѣро-зеленаго цвѣта съ разрывающейся бомбой. Таинственное названіе, кричащая внѣшность, внутри — Шерлокъ Холмсъ, — какъ все это не можетъ заинтересовать французовъ?

Эту книженку Вы снабдили своимъ предисловіемъ и, если Вы послѣ этого сказали бы, что Васъ назвали сы-

щикомъ Шерлокомъ Холмсомъ помимо Вашей воли, что Вы ни при чемъ здѣсь, то кто этому повѣритъ?..

Теперь, когда Ваша неспособность къ дружной, коллективной работѣ и узурпаторскія замашки лишили Васъ естественныхъ, единственно полезныхъ въ борьбѣ съ провокаціей сотрудниковъ, Вашимъ "открытіямъ", несомнѣнно, пришелъ конецъ, а крикливыя обѣщанія, не разъ возвѣщавшіяся услужливыми корреспондентами о Вашихъ "новыхъ разоблаченіяхъ", имѣющихъ удивить весь міръ, останутся, конечно, только обѣщаніями, въ качествѣ документовъ, характеризующихъ политическую хлестаковщину. Вамъ предстоитъ, повидимому, скучное пережевываніе старыхъ дѣлъ Азефа и т. д.

Но за Вами установилась громкая слава геніальнаго разоблачителя; эта слава — несомнѣнный результатъ крупнаго недоразумѣнія, выросшаго на почвѣ разныхъ случайностей, неосвѣдомленности широкой публики, или просто энтузіастскаго ослѣпленія наиболѣе "зеленой" ея части. Благодаря всему этому сложилось такъ, что Ваши дѣйствительныя заслуги настойчиваго собирателя матеріаловъ, касающихся революціонной старины, мало цѣнятся, а качества, въ самомъ дѣлѣ въ Васъ отсутствующія, превозносятся. Во всякомъ случаѣ Ваша разоблачительская дѣятельность не давала права называть Васъ даже Шерлокомъ Холмсомъ; гораздо съ большимъ основаніемъ Вамъ можно было бы дать другое, не менѣе извѣстное имя... доктора Кука.

Въ номерѣ первомъ Общаго Дѣла Вы скромненько заявили: "Въ "Быломъ" и въ 1-4 №№ "Революціонной Мысли" мы уже печатали списокъ лицъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ политическому сыску... За по-

слѣдніе полтора года н а м и было разоблачено болѣе ста провокаторовъ и имена ихъ преданы гласности"... "Нами"... — кѣмъ же, интересно было бы знать? Редакціей упомянутой газеты — г. В., Б., Вами?

За разрѣшеніемъ этого вопроса обращусь къ фактамъ. Въ №№ 1, 2 и 3 "Револ. Мысли", правда, были опубликованы списки шпіоновъ (болѣе 135-ти именъ). но составлены они были м н о ю, на основаніи с о б с т в е н н ы х ъ моихъ данныхъ, и, отчасти, (въ 38 случаяхъ) по газетнымъ источникамъ. Въ "Былое" же, какъ извѣстно, были опубликованы шпіоны, оглашенные уже въ печати и ветхозавѣтные — изъ записей извѣстнаго Клѣточникова. Изъ сказаннаго видно, что если "за послѣдніе полтора года" и было разоблачено "болѣе ста провокаторовъ", то сдѣлано это во всякомъ случаѣ н е В а м и: свѣдѣнія доставилъ и систематизировалъ я, а огласила ихъ редакція Револ. Мысли. Вы же только передавали списки изъ рукъ въ руки.

То же самое можно сказать и о разоблаченіяхъ, появившихся въ Общемъ Дѣлѣ. Въ первыхъ трехъ номерахъ этого Вашего изданія было пропечатано 35 шпіоновъ, изъ коихъ были оглашены: 1 — на основаніи моихъ данныхъ, 7 — на основаніи свѣдѣній моихъ и Меньщикова, 16 — по даннымъ Меньщикова, 4 были указаны соц.-демократами и соц.-революціонерами, 4 — взяты изъ газетъ и 3 — неизвѣстнаго мнѣ *происхожденія*, но тоже, вѣроятно, изъ числа "позаимствованныхъ". Значитъ и въ данномъ случаѣ л и ч н о е Ваше участіе въ "открытіи" этихъ 35 шпіоновъ выразилось лишь въ томъ, что Вы дали ихъ именамъ мѣсто на страницахъ своей газеты, хотя сдѣлали Вы это собственно ради того,

чтобы придать ей болѣе интереса и значенія. Здѣсь не лишнимъ будетъ отмѣтить еще то обстоятельство, что свѣдѣнія о шпіонахъ Вы печатали **безъ всякой предварительной провѣрки,** полагаясь, вѣроятно, на достовѣрность источниковъ; такое довѣріе Ваше является очень лестнымъ для меня и Меньщикова, но нельзя сказать, чтобы Вы дѣйствовали въ этомъ случаѣ совершенно обдуманно и съ достаточной осторжностью.

За Вами числятся, впрочемъ, заслуги по раскрытію крупныхъ провокаторовъ, о которыхъ въ свое время много писали. Переберемъ и эти случаи.

Въ дѣлѣ Азефа Вы, несомнѣнно, отличились, но Вашъ подвигъ заключался не въ томъ, какъ принято думать, что Вы "открыли" этого шпіона — это сдѣлали, фактически, своими указаніями, послѣдовательно Меньщиковъ, "саратовецъ", я, и другіе, а въ томъ, что Вы заставили слѣпыхъ соратниковъ Азефа признать то, что было очевиднымъ уже для всѣхъ остальныхъ и въ лицѣ Лопухина нашли, наконецъ, улику, оказавшуюся достаточной для защитниковъ Азефа.

Въ дѣлѣ Гартинга Ваше "открытіе" заключалось въ томъ, что Вы прокатились въ Брюссель, выслушали Меньщикова и затрубили въ трубы; уличать этого шпіона не понадобилось, да это было вовсе не трудно сдѣлать.

Дѣломъ Зинаиды Жученко Вамъ уже совсѣмъ гордиться не приходится. Всѣ указанія на эту шпіонку шли сначала отъ соц.-революціонеровъ; затѣмъ Меньщиковъ окончательно опредѣлилъ, что эти свѣдѣнія дѣйствительно относятся къ Гернгроссъ и установилъ, что она же есть и Жученко. Вы въ этомъ дѣлѣ рѣшительно н и ч е-

г о н е в ы я с н и л и; Вы даже не съумѣли разъяснить того, что первоначальныя указанія, полученныя соц.-революціонерами, не могли относиться къ Лапиной, и въ томъ, что послѣдняя покончила самоубійствомъ изъ за нелѣпыхъ подозрѣній, **безусловно есть часть Вашей вины.** Говорятъ, впрочемъ, что Вы добились отъ Жученко "сознанія"; но уличить эту поровокаторшу, при данныхъ, имѣвшихся у Меньщикова, было совсѣмъ легко: она къ тому же и не думала запираться; Вашъ же допросъ Жученки привелъ лишь къ тому, что она получила отъ Васъ данныя, по которымъ охранники догадались объ источникѣ свѣдѣній, а Вы отъ нее узнали только, что она заправская шпіонка, въ чемъ и безъ Вашей бесѣды съ ней сомнѣній не было.

По дѣлу Каплинскаго въ № 2 Общаго Дѣла Вы сами свидѣтельствовали о томъ, что "первыя свѣдѣнія о его провокаторской дѣятельности были получены отъ Бакая... Но выяснить по нимъ тогда же личность провокатора, въ виду ихъ неопредѣленности, не удалось". Къ этому необходимо сдѣлать примѣчаніе, что не удалось сразу установить личность этого шпіона не столько потому, что указанія были неопредѣленны, сколько вслѣдствіе того, что Вы не проявили достаточно энергіи въ этомъ дѣлѣ, а бундисты были черезчуръ увѣрены въ Каплинскомъ. Послѣдняго выяснилъ окончательно и уличилъ Меньщиковъ. Ваше участіе здѣсь выразилось въ томъ, то Вы свели Меньщикова съ Центральнымъ Коммитетомъ Бунда... послѣ того, какъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ и Вы убѣдились, что не можете добиться, чтобы всѣ свѣдѣнія шли непремѣнно черезъ Васъ.

Отъ чести открытія Серебряковой Вы, послѣ извѣст-

наго письма "Иванова", благоразумно отказались сами и послѣ громкихъ заявленій въ Русскомъ Словѣ, въ которомъ былъ приплетенъ, безъ всякихъ серьезныхъ основаній, и мужъ ея, умолкли совершенно.

Объ исторіи съ Батушанскимъ я уже упоминалъ. Указалъ и уличилъ этого провокатора исключительно Меньщиковъ. Ваше вмѣшательство въ это дѣло привело лишь къ тому, что разрѣшеніе его осложнилось и затянулось.

Александра Розенберга, Пуцяту-Русановскую и Болеслава Бродскаго первый указалъ я, помогъ же уличить ихъ Меньщиковъ. Ваша роль ограничилась тѣмъ, что Вы съ послѣднихъ двухъ, послѣ того какъ они принуждены были покаяться, сорвали откровенныя показанія. Но и въ этомъ случаѣ Вы не отказались отъ того, чтобы не внести свою ложку дегтя: положившись всецѣло на розказни истеричной шпіонки, Вы вынесли въ прессу одинъ изъ ея оговоровъ (противъ журналиста Стражева), не имѣя никакихъ подтвержденій его правдивости; благодаря этому пришлось терпѣть упреки въ легкомыслiи корреспонденту такого серьезнаго изданія, какъ "Русскія Вѣдомости".

Какія же за Вами еще подвиги числятся? Говорить ли о дѣлахъ Н. и В. К., тянувшихся долго и ничѣмъ не окончившихся — быть можетъ потому, что "иксы" въ нихъ участія не принимали? Напомнить ли Вамъ о дѣлѣ рабочаго, который былъ зачисленъ въ шпіоны по "недоразумѣнію", вслѣдствіе того, что Вы спутали одну фамилію съ другой? Упомянуть ли о дѣлѣ доктора Т., котораго Вы собирались разоблачить съ большой помпой, а

кончили тѣмъ, что дали ему "свидѣтельство о благонадежности"? Разсказывать ли снова исторію съ Герцыкомъ, который былъ такъ же легко обвиненъ, какъ и реабилитированъ потомъ — при Вашемъ все ближайшемъ участіи?

Вотъ эти "открытія" все **Ваши**, Владимиръ Львовичъ, это собственныя Ваши "разоблаченія". И не они, конечно, создали Вамъ славу революціоннаго Шерлока Холмса. Вы пожали то, чего не сѣяли. Но какъ Вы использовали результаты этой богатой жатвы, вотъ вопросъ.

Въ Вашихъ рукахъ была огромная сила. Вы имѣли прежде всего большія матеріальныя средства. На дѣлѣ Азефа и Гартинга Вы заработали до 40.000 фр. Къ Вамъ поступали деньги съ разныхъ сторонъ — изъ Швейцаріи, изъ Америки, отъ партій, отъ частныхъ лицъ. Вы сами говорили, что за одинъ первый годъ Вашей "кампаніи" **Вами было получено болѣе 100.000 франковъ.** Въ эмигрантскомъ обиходѣ эта сумма — крупный капиталъ. Что же Вы на него сдѣлали? Издали одну книжку "Былого" и нѣсколько жалкихъ номеровъ никчемнаго "Общаго Дѣла". Куда же Вы ухлопали деньги? Дали ли Вы какой-нибудь отчетъ въ расходованіи средствъ, которые Вамъ предоставили на о б щ е с т в е н н о е дѣло? Не дали и не дадите, такъ какъ при томъ можетъ обнаружиться, что **тѣ "открытія", которыя числятся за Вами, совсѣмъ расходовъ не требовали, а тѣ большія средства, которыя Вы затратили, якобы на борьбу съ провокаціей — никакихъ разоблаченій не дали.** Къ этому надо добавить, что Вы такъ вели денежныя дѣла, что благодаря Вамъ попадали часто въ **за-**

труднительное положеніе, а иногда и въ критическое (напримѣръ, я) люди, имѣвшіе несчастіе имѣть съ Вами какое-нибудь практическое дѣло.

Внѣ всякихъ сомнѣній, что Вы — безсребренникъ; на свою долю Вы берете лишь самое необходимое. Ни я, никто изъ знающихъ Васъ не заподозритъ, что Вы преслѣдуете какія-либо корыстныя цѣли. Но, говорятъ, "простота хуже воровства", и Васъ съ полнымъ основаніемъ можно обвинять въ томъ, что **Вы тратили деньги —не личныя свои, конечно, безъ всякаго толка, безъ расчета и безрезультатно.** Вы не съумѣли извлечь изъ имѣвшихся въ Вашемъ распоряженіи средствъ ту пользу, которую **могли** безъ особаго труда и о б я з а н ы были извлечь. Въ этомъ Вашъ крупный грѣхъ передъ обществомъ, передъ товариществомъ.

Такъ же точно Вы поступили со своимъ моральнымъ капиталомъ. Заслуженно или незаслуженно Вы пріобрѣли громкое имя и даже — въ неосвѣдомленныхъ кругахъ — извѣстный авторитетъ. Васъ величали иные "великимъ историкомъ" русской революціи (хотя извѣстно, что Вы не только по исторіи, но и вообще ни одной болѣе или менѣе дѣльной и крупной статьи не написали). Васъ слушали, какъ оракула. Къ Вашимъ услугамъ были десятки перьевъ лакействующихъ литераторовъ. Революціонные младенцы на Васъ Богу молились, какъ говорится. При такихъ условіяхъ Вы могли бы притянуть еще большія средства, Вы могли бы объединить разнообразнѣйшія силы и создать при помощи этихъ коллективныхъ рессурсовъ что-либо грандіозное. Во всякомъ случаѣ Вы могли бы поставить устойчиво и прилично изданіе историческаго журнала: матеріаловъ для него

могло найтись болѣе, чѣмъ достаточно, деньги были, а широкій спросъ явился бы самъ собой.

Но Ваша поразительная безалаберность, безцеремонность съ устнымъ и печатнымъ словомъ, исключительная персональность и неумѣніе организовать дѣло, оттолкнули отъ Васъ все дѣятельное и Вы остались съ тѣми немногими "человѣками", которыми Вы стараетесь себя окружать и которымъ кажется, что они блестятъ въ лучахъ Вашего солнца. Проще говоря, Вы сѣли на мель и стали кричать "караулъ", хотя никто на Васъ не нападалъ, Вы стали бредить заговорами противъ Васъ и видѣть кругомъ недоброжелателей, не замѣчая самаго главнаго своего врага — самого себя...

Но хуже всего то, что Вы вообразили, что всѣ тайны, пріемы и уловки политическаго розыска Вами въ совершенствѣ постигнуты и что Вы можете противопоставить ему революціонный контръ-розыскъ. И еще печальнѣе то, что **Вы рѣшили бороться съ врагомъ на этомъ поприщѣ его же средствами, причемъ выбрали изъ нихъ самыя худшія.** Вы надумали купить за деньги правительственные секреты, ожидая, что на приманку наживы къ Вамъ побѣгутъ охранники и всякіе добровольцы. И вы обзавелись "филерами", появились у Васъ и указанія изъ таинственныхъ "агентурныхъ источниковъ", начались даже допросы "съ пристрастіемъ"... Тутъ то и обнаружилось, что, хотя Вы и видѣли и слышали много назидательнаго, но научиться ничему не научились. Вы стали копаться въ толстыхъ "дневникахъ наблюденій" и, разумѣется, толку извлечь не могли; Вы начали строить гипотезы на "секретныхъ свѣдѣніяхъ" — и запутались, не умѣя найти крупицу правды въ кучѣ лжи, которую

представляютъ обыкновенно донесенія всякихъ наружныхъ и внутреннихъ агентовъ. Однимъ словомъ, Вамъ не удалось создать даже плохенькой "охранки", а вышло заурядное "жандармское управленіе" съ дутыми дѣлами о выѣденныхъ яйцахъ. Дезорганизовать политическій розыскъ Вы не смогли, революціонеровъ съ оппозиціонными партіями не объединили...

Вы жестоко ошиблись въ Вашихъ упованіяхъ. Произошло это отъ того, что Вы переоцѣнили себя и эфемерную величину приняли за дѣйствительную. Вы не поняли, что при томъ отношеніи къ дѣлу, которое Вы проявили, къ Вамъ могутъ прійти только такіе отбросы, какъ Раковскій (нѣмецкій), сорвавшій съ Васъ 300 фр. за разсказы о восточныхъ наклонностяхъ какого-то губернатора, бароны, обворовывавшіе казну и т. п. Вы не сообразили, что Бакаи, Меньщиковы, Лопухины на улицѣ не валяются, что они появились на сценѣ помимо Васъ и появились бы независимо отъ того, существовалъ бы на свѣтѣ В. Л. Бурцевъ, или нѣтъ. Вы не съумѣли понять, что люди добросовѣстные, уважающіе себя, искренно желающіе послужить освободительному движенію, видя Ваше неуваженіе къ человѣческой личности, не захотятъ пойти съ Вами рука объ руку...

Въ личныхъ бесѣдахъ съ Вами я не разъ говорилъ Вамъ горькую правду; я указывалъ, что Вы встали на скользскій путь. Я Вамъ отъ души желалъ добра; я надѣялся сначала, что мои совѣты помогутъ Вамъ отрезвиться, но въ концѣ концовъ убѣдился, что Ваше самомнѣніе, не допускающее слова критики, мѣшаетъ Вамъ признать истину.

И я рѣшилъ выступить съ настоящимъ открытымъ

письмомъ затѣмъ, чтобы широкая публика узнала, наконецъ, настоящую правду, о которой многіе, знающіе ее, молчатъ — по лицемѣрію или изъ-за дипломатическихъ соображеній. Я хочу, чтобы ошибки, которыя дѣлались Вами, не приписывались, по невѣдѣнію, другимъ лицамъ, въ нихъ неповиннымъ, чтобы всѣ знали, что дѣло разоблачительства, само по себѣ, вовсе не имѣетъ тѣхъ отрицательныхъ сторонъ, которыя заставляютъ иныхъ возставать даже противъ него, что эти темныя стороны явились лишь результатомъ тѣхъ рекламныхъ и мистификаторскихъ пріемовъ, которые Вы нашли возможнымъ практиковать.

Я хочу также, чтобы люди, которые вздумали бы пойти по моему пути, не повторили бы моихъ ошибокъ, чтобы они съумѣли выполнить свою задачу съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ мнѣ это довелось сдѣлать и мой совѣтъ такимъ людямъ, вынесенный изъ тяжелаго опыта: не начинать дѣла съ обращенія къ такимъ доброжелателямъ, которые въ извѣстныхъ случаяхъ бываютъ "опаснѣе врага".

Михаилъ Бакай.

Подготовляются къ печати книги:

Л. Меньщиковъ:

I. "ДВАДЦАТЬ ЛѢТЪ ВО ВРАЖЬЕМЪ СТАНѢ".

Содержаніе: Гл. 1) Въ деревнѣ. 2) Въ тюрьмѣ. 3) Въ охранномъ отдѣленіи. 4) Въ Летучемъ отрядѣ. 5) Въ Особомъ Отдѣлѣ. 6) Въ отставкѣ. 7) Въ предѣлахъ недосягаемости.

II. "ЧЕРНАЯ КНИГА РУССКАГО ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ".

Содержитъ алфавитный списокъ, въ нѣсколько тысячъ именъ, лицъ, подвизавшихся на розыскномъ поприщѣ; въ первой части книги содержатся подробныя свѣдѣнія о провокаторахъ, шпіонахъ, сыщикахъ, доносчикахъ, жандармахъ и т. п.; во второй части приведены наиболѣе важные документы, касающіеся дѣятельности героевъ охраннаго міра.

Приступлено къ составленію книги:

"ХРОНИКА РУССКАГО ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ".

Этотъ справочникъ явится полнымъ хронологическимъ перечнемъ всѣхъ событій изъ области борьбы русскаго народа съ самодержавнымъ режимомъ; книга будетъ имѣть алфавитный списокъ дѣятелей, перечень произведеній вольнаго слова и подробный предметный указатель.

Печатается брошюра

Я. Акимовъ:

"НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ!"

Содержаніе: 1) Освободите невинно-осужденныхъ; 2) Генералъ-провокаторъ Азефъ; 3) Опять провокаторъ (встрѣча съ Батушанскимъ); 4) Я требую суда надъ Бурцевымъ.

Предположена къ изданію историческая библіотека русскаго освободительнаго движенія

"МИНУВШЕЕ".

Въ серію выпусковъ ея войдутъ слѣд. матеріалы:

1) Эмиграція (Герценъ и др.); общественное, студенческое и польское движеніе въ 40-60 годахъ (по документамъ 3-го отдѣленія).

2) Къ исторіи революціоннаго движенія 70-80-хъ годовъ (по неопубликованнымъ рукописямъ): а) "Матеріалы для ознакомленія съ соціально-революціоннымъ движеніемъ въ Россіи"; б) "Соціально-революціонное движеніе на Западѣ въ связи съ основаніемъ и развитіемъ Международнаго Общества рабочихъ и участіе въ немъ русскихъ соціалистовъ"; в) "Къ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи" (эпохи народничества).

3) "Отъ реакціи до революціи" — очерки возникновенія и паденія нелегальныхъ организацій за двадцатилѣтіе 1886-1906 г.г. (по секретнымъ документамъ).

4) "Газета Департамента Полиціи" — подробнѣйшая хроника событій за боевые 1902-1905 годы.

5) "Секретные доклады Рачковскаго, Ратаева, Гартинга, завѣдывавшихъ русской полицейской агентурой за границей".

6) "Литературные памятники" за послѣднее пятидесятилѣтіе — документы изъ сборника программъ и уставовъ тайныхъ политическихъ организацій въ Россіи и рѣдчайшія воззванія и статьи изъ собранія нелегальныхъ изданій.

7) Обзоры, доклады, записки, донесенія, касающіеся нѣкоторыхъ періодовъ, или отдѣльныхъ сторонъ и эпизодовъ революціоннаго движенія, а также секретные циркуляры и другія письменныя распоряженія, имѣвшія отношеніе къ "внутренней политикѣ" — надзору, розыску и репрессіямъ.

Лицъ, интересующихся вышеупомянутыми изданіями, просятъ обращаться исключительно по адресу:

L. Menstchikoff, General Post Office, Box 1460, New York City.